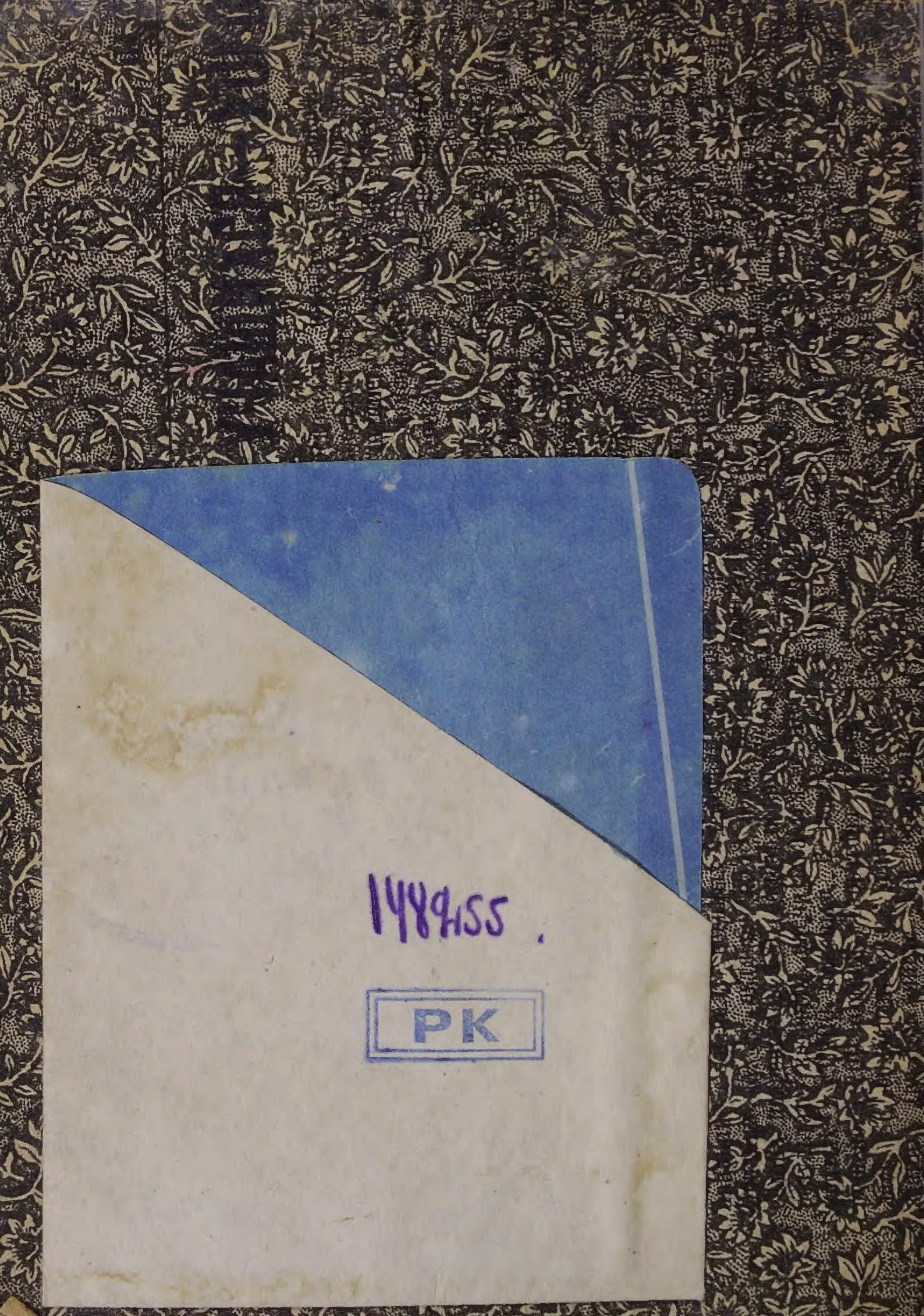
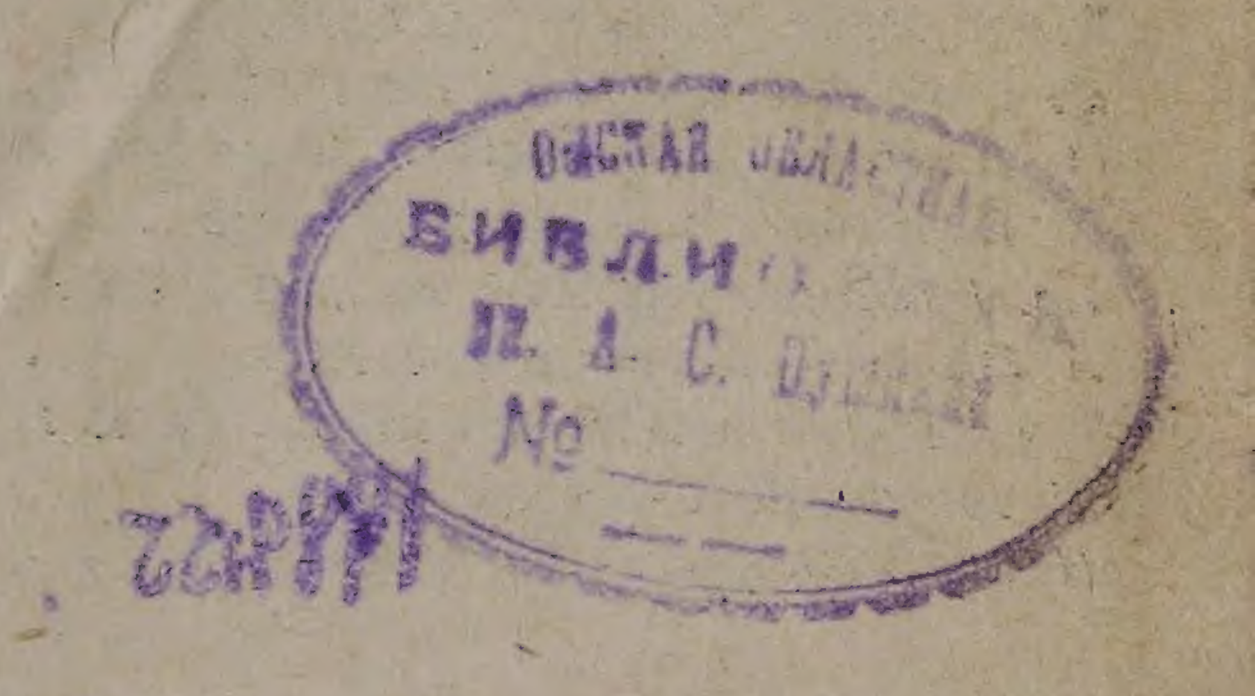

14897155
PK

БЕСПРИМЕРНЫЕ ЗВЕРСТВА ФАШИСТСКО-НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

ЦЕНА 45 к.

ОГИЗ — ОМГИЗ — 1941

СОДЕРЖАНИЕ

КРОВЬ ЗА КРОВЬ И СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ!

Нет! Гнев, возмущение — не те слова, которыми можно выразить всю силу чувств, бурлящих в сердцах советских людей, когда приходят вести о неслыханных, неистовых зверствах, чинимых фашистско-немецкими полчищами на своем кровавом пути. Лютая, неистребимая ненависть, не знающая пощады, не знающая прощения, — вот закон борьбы против двуногих зверей, одетых в форму фашистско-немецких армий.

Всюду, где проходят фашистские полчища Гитлера, они оставляют за собой кровавый, смрадный след массовых убийств, надругательств, грабежа. Навеки позором покрыла себя немецко-фашистская армия, нарушившая все нормы международного права, поправшая все законы человеческие. Гитлеровские псы покрыли позором не только немецкую армию, но и немецкий народ. Чтобы искупить этот позор, чтобы вернуть себе свое место в семье народов, немецкий народ должен очиститься от гитлеровской скверны, уничтожить это страшное пятно в своей истории.

Каждый день, каждый час приносит все новые вести о диких злодействах, о неслыханных актах насилия, надругательства, чинимых фашистско-немецкой армией в захваченных советских районах. Вот село Дорманка, из которого отважные партизаны выбили немецких насильников. Село сожжено. На старом ясене у колодца болтаются трупы повешенных немцами старика-колхозника и его сына. Вот с потемневшим лицом женщина, которая пробралась к партиза-

нам после того, как на ее глазах немецкие мародеры расстреляли ее девятилетнего сына. И трупы, еще трупы замученных, убитых людей. Так в каждом селе, в каждом городе, где побывали фашистские душегубы.

А вот рассказ Василия Божика, бежавшего из фашистского плена из Дрогобычской области. Он рассказывает, что, войдя в одно село, немцы схватили председателя сельсовета, привязали его к двум танкам и разорвали на части. В другом селе, в Буденновке, немцы согнали на площадь людей, облили их бензином и подожгли. Школьник Леня Сиган, которому удалось бежать из Кременца вместе с четырьмя комсомольцами, рассказывает, как в местечке Шумск он видел: по дороге бежали дети и женщины с расширенными от ужаса глазами, а за ними мчались немецкие мотоциклисты и расстреливали их из пулеметов. В Катербурге фашистские бандиты согнали на площадь население, приказали лечь на спины, а после этого палачи в сапогах, подкованных гвоздями, стали топтать лежащих. Надругавшись над мучениками, они велели им бежать и открыли по бежавшим огонь.

С такой же неслыханной жестокостью расправляются фашистские бандиты с пленными и ранеными красноармейцами. Фашистское зверье убивает раненых красноармейцев, предварительно надругавшись над ними. Пленных они подвергают пыткам, перед которыми бледнеют пытки инквизиции. В сводке Советского Информбюро был приведен факт о том, как немецкий офицер пытал раненого красноармейца Федорова, стараясь добыть нужные ему сведения. Накаленным на огне штыком офицер прожигал Федорову руки, колол грудь и спину. Не добившись ответа, фашист застрелил Федорова. Красноармейцу Зудину, которого наши войска отбили у фашистов, немецкий офицер отрубил несколько пальцев на руке, проколол ладонь правой руки и выбил глаз. Звери, хищные звери не способны на такую изощренную жестокость, какую проявляют гитлеровские банды. Тяжело раненому воентехнику 2-го ранга М. Ф. Ладунину фашистские разбойники выкололи оба глаза, раздробили прикладами и сапогами челюсти, на щеке вырезали пятиконечную звезду. Таким же истязаниям подвергся тяжело раненный красноар-

меец тов. Алексеев. Гитлеровцы изрезали ножами лицо раненого, перебили переносицу, выкололи глаз, раздробили скулу.

Где, в практике какой армии были такие случаи, и заслуживает ли вообще разбойничья банда, творящая такие преступления, название армии?! А ведь все эти преступления, все эти злодейства — не отдельные, не единичные случаи. Это массовое явление, это — система, преподанная фашистско-немецким командованием. В записной книжке убитого немецкого офицера К., в книжке, помеченной номером 1732/3, в которой автор вел дневник, имеется запись, очень краткая, но весьма красноречивая. Она гласит: «5 часов утра. Наступаем на Б. Массовое убийство населения. Город очищен».

Но вот не индивидуальная запись, а выдержка из секретного предписания командирам германской армии. В этом предписании говорится: «Сейчас необходимо вновь подчеркнуть основные задачи, вытекающие из особенностей восточного фронта. Здесь в неизмеримо большей степени, чем на всех прежних фронтах, следует воспитывать у немецких солдат чувство беспощадности. Никакие проявления мягкотелости по отношению к кому бы то ни было, независимо от пола и возраста, недопустимы... Всемерно следует поощрять и развивать инициативу каждого солдата, вызывающего своими действиями страх перед германской расой... Нужно воспитывать у каждого офицера и солдата германской армии чувство личной материальной заинтересованности в войне...».

Этот документ — не инструкция офицерам и солдатам, а инструкция мародерам, грабителям и насильникам. В этом духе воспитывается немецкая армия. Фашизм превратил армию в машину грабежа и разбоя, солдат — в бездушных автоматов, отличающихся от диких зверей только большей кровожадностью и знаком паучьей отвратительной фашистской свастики.

Страшен кровавый синодик безмерных злодейств озверелой гитлеровской банды. Расстрелянные невинные дети, старики и женщины, замученные и исколотые штыками, отравленные мышьяком раненые и пленные красноармейцы, сожженное живьем мирное население, подвергшиеся изнасилова-

нию и надруганию женщины и девушки, — советский народ никогда этого не забудет и никогда не простит! Кровь убитых и замученных вопиет об отмщении, она требует жестокой и беспощадной расплаты.

Эта расплата наступит. Ее час близок.

Советский народ поднялся на отечественную войну, и он не положит оружия до тех пор, пока не будет разбит и уничтожен враг. Не запугать фашистским головорезам своим кровавым террором советских людей! Кровь за кровь и смерть за смерть! — вот лозунг борьбы против подлого врага. Ни одно убийство, ни одно насилие фашистского зверья не останется неотомщенным. Советский народ будет мстить жестоко, беспощадно и неустанно за сожженные города и села, за смерть детей, за пытки, насилия, издевательства над советскими людьми, над бойцами Красной Армии.

Уже полыхает грозным заревом партизанское движение в тылу у врага. Летят под откос поезда, взрываются склады боеприпасов, горят фашистские танки, сотнями гибнет двуногое зверье в фашистских мундирах от метких пуль и штыковых ударов партизан. Но это только начало. Главный бой еще впереди. Враг узнает всю беспощадную силу народного гнева, жестокого мщения.

Своими неслыханными злодействами, своим безудержным свирепым террором фашисты вызвали неутолимую жажду мщения во всех порабощенных ими народах. Бурлит волна народного гнева в Югославии, Норвегии, Бельгии, Голландии, в жестоких боях мстят за поруганную честь свою, за отнятую свободу польские, сербские, греческие партизаны. Эти очаги народных войн против фашистско-немецкого гнета сольются в одно громадное огненное кольцо, которое испепелит и уничтожит ненавистных поработителей. И самой страшной для фашистских бандитов окажется народная война в Советском Союзе. Ни минуты покоя не будут знать фашистские изверги, со всех концов им будет грозить смертельная опасность.

Советский народ вступил в смертный бой с разбойничьей ордой. И в великой освободительной войне, которую ведет советский народ, он будет черпать дополнительные силы в

неугасимой священной ненависти к злобному врагу, в своей неутолимой жажде мщения за замученных и убитых советских людей.

Кровь за кровь! Смерть за смерть!

Передовая „Правды" от 29 августа 1941 г.

ФАШИСТСКО-НЕМЕЦКИЕ МЕРЗАВЦЫ

Люди столетиями вели войны и были свидетелями многих ужасных злодеяний, совершенных нападающими армиями насильников. Но все эти злодеяния, пережитые людьми за многие сотни лет, — меркнут перед кровожадной «деятельностью» диких зверей — гитлеровских преступников, фашистско-немецких мерзавцев.

Полчища взбесившихся и опьяневших от крови гитлеровских гадов творят чудовищные преступления в захваченных ими районах. Имеются сотни фактов, когда кровавые фашистские собаки истребляли невинных женщин и детей, старых и больных, раненых и пленных красноармейцев. Кровавые насильники — гитлеровцы на своем пути сжигают наши города и села, истребляют наш народ. Захватывая население, они, как скот, гонят его плетью на каторжные тягчайшие работы. Фашистские изверги насилуют и сгоняют в публичные солдатские дома наших матерей, сестер и жен. На утеху своему «фюреру» — этой кровавой собаке — они расстреливают из пулеметов мирных граждан, топят госпитальные суда с больными и ранеными, бомбят санитарные поезда, расстреливают госпитали и санитарные самолеты.

И одно за другим неслыханные преступления сменяются новыми, еще более неслыханными и бесчеловечными.

28 августа 1941 года при переправе через реку Ипуть немецко-фашистские войска, будучи бессильны преодолеть мужественное, стойкое сопротивление частей Красной Армии, собрали местное население города Добруш и под страхом расстрела погнали впереди себя женщин, детей и стариков,

за которыми, прикрывая боевые порядки, пошли в наступление.

Озверевшие и потерявшие человеческий облик гитлеровские выродки не впервые так поступают. В сообщении Советского Информбюро еще 30 июля был приведен следующий факт: во время наступления в Ленинградской области в районе совхоза «Выборы», стремясь любой ценой сохранить свою шкуру, фашистские изверги, под угрозой расстрела, заставили женщин с детьми итти впереди наступающих немецких частей.

Эти злодейские факты еще и еще раз вскрывают звериное лицо подлого врага. Его жестокость, озверелость не знает границ. Таких преступлений мир еще не видел, таких чудовищных злодеяний не знала история человечества.

Наш народ никогда не забудет этих преступлений фашистских псов и палачей.

Для фашистских мерзавцев не существует никаких правил ведения войны, никаких человеческих законов. Все это попирается зверьем в обличьи фашистских офицеров и солдат. Пусть же это зверье не посетует, если советские люди будут платить им кровью за кровь.

Око за око, кровь за кровь, смерть за смерть!

Кровавые преступления гитлеровских человеконенавистников порождают в сердцах советских людей неугасимую ненависть к врагу, зовут к расплате, закаляют нашу волю бороться до тех пор, пока не будут истреблены гитлеровцы — эти чудовища в образе людей.

Мы заявляем немецко-фашистским людоедам и негодяям: дорого вы заплатите за жизнь и слезы наших матерей, сестер и детей! Весь советский народ клянется кровью замученных немецко-фашистскими мерзавцами советских граждан — не давать никакой пощады кровожадным гитлеровским бандитам.

Смерть за смерть, кровь за кровь.

Передовая „Правды“ от 4 сентября 1941 г.

КТО ТАКОЙ ГИТЛЕР И ЧЕГО ОН ДОБИВАЕТСЯ?

Врага нужно знать. Кто такой Гитлер? Вот что рассказывает один из его бывших друзей:

Гитлер — австриец, сын мелкого таможенного чиновника, настоящая фамилия его — Шикльгрубер.

Образование у него — среднее. В школе учился плохо, мечтал стать художником, но за отсутствием таланта работал одно время маляром в строительной конторе. За отказ войти в профсоюз и также за антисемитизм был снят с работы. Тогда он стал чертежником и в общем не отличался от среднего обывателя.

Во время империалистической войны служил при штабе баварского полка и дослужился до ефрейтора... В одной военной переделке был отравлен газами, едва не ослеп, и тут-то его нервность перешла в истерию, вплоть до галлюцинаций... Но пока еще эти качества не находили у него применения.

В 1919 году, после разгрома революции в Мюнхене, он стал работать следователем в особой комиссии и тут впервые получил вкус к человеческой крови, сочиняя обвинительные акты и подводя германских революционеров под расстрел.

В то время в Мюнхене образовался первый кружок той партии, которая впоследствии получила название «национал-социалистической». Гитлер, по поручению кружка, выступал как лектор по антисемитизму. В кружке он значился под номером седьмым.

Но его на первые места не выдвигали, он исполнял роль, так сказать, барабанщика кружка. Отличительная его черта — чертовское тщеславие. Гитлер — человек с надрывом, истерик.

После двухчасовой речи — воротничок на нем мокрый, как жгут вокруг шеи, волосы прилипли к вискам, пуговицы оторваны, — безумные глаза, лицо похожее на сыр. Он любит пророчествовать, как шаман.

По целому ряду объективных причин такой истерический шаман производил сильное впечатление на мелкого буржуа.

Гитлер требовал «ночи длинных ножей для евреев», — и это поражало мещанское воображение. Гитлер требовал военного похода на большевистскую Москву, завоевания Украины и расселения на роскошных приднепровских землях голодающих немцев... Еще большее впечатление!

Гитлер был рупором, с одной стороны, крупных германских промышленников, больше всего на свете боявшихся революции, с другой — шайки авантюристов, пробивавшихся к власти зубами и когтями.

Гитлер со всем его окружением — авантюристов, личностей с уголовным прошлым и с уголовным будущим — возник как язва в больном теле Германии. Пробравшийся жульническим путем в канцлеры, а затем путем кровавой провокации взявший всю власть, он — «фюрер» — начал свою разрушительную работу.

Террор и голод получила Германия взамен кисельных берегов. «Выбирайте — нищету или войну», — заявил Гитлер одураченным немцам, и началась семилетняя обработка и подготовка молодого поколения, предназначенного к убою. «Солдат не должен знать больше того, что он знает. Солдат не должен думать, за него подумал фюрер», — так гласит первый пункт полевой книжки фашистского солдата. Все соки страны выжимались досуха на вооружение. Германия стала единым военным лагерем, военной машиной, предназначенной для осуществления грабительских планов Гитлера и его шайки. Эти планы распухали с каждым днем в его истерическом воображении. Еще бы — к его услугам было восемьдесят пять миллионов немцев, скрученных в бараний рог.

Каковы же военные планы Гитлера? Первоначальный план его заключался в разгроме Советской страны.

Для похода на Советскую Россию нужно было согласие на невмешательство в эту авантюру Европы. Гитлер всеми средствами запугивал неизбежностью коммунистической революции. «Или фашизм, или коммунизм», — истерически завывал он в эфир.

«Я один в состоянии раздавить коммунизм в Советской России и во всем мире. Развяжите мне руки...» Ему не поверили, рук для похода на Советскую Россию не развязали,

тогда военный план его с той же истерической быстротой перевернулся с головы на ноги. Он решил сначала напасть на Европу, уничтожить ненавистную Францию, поставить Англию на колени и уже тогда, очистив свой тыл, вернуться к самому жирному куску, к Советской России.

Так началась вторая мировая война. Что же Гитлеру нужно от нас, русских, украинцев, белоруссов и всех братских народов СССР?

Прежде всего ему не нужны двести миллионов населения нашей родины. Ему не нужны дети, женщины, пожилые люди и старики. Они подлежат физическому истреблению. Мы теперь знаем, как это делалось в Польше, в Сербии, в Норвегии, во Франции и в тех советских районах, которые временно и ненадолго заняты фашистскими войсками. В Польше значительная часть населения уже истреблена пытками, болезнями и голодной смертью в гигантских концлагерях, а вне лагерей—истощением от голодного пайка. Польскому крестьянину не принадлежит больше его достояние; к примеру: крестьянам и фермерам розданы особые куриные клетки, туда сажают кур, сборщики запечатывают клетки и ежедневно вынимают яйца; если пломба оказывается поврежденной, через час крестьянин уже висит на дереве около своей хаты.

Ворвавшись во Львов, фашисты устроили там «ночь длинного ножа»: много тысяч человек от мала до велика было зарезано. Известно, каким мученьям подвергались крестьяне белорусских сел и деревень — их ошпаривали кипятком, выкалывали глаза, запарывали штыками, детям разбивали головы о косяк.

Для чего так поступают фашисты? Для того, чтобы навести ужас на население и чтобы убрать лишние рты: это их программа.

В Советской России фашистам нужны рабочие руки, но такие, чтобы они повиновались, как машины. Фашистам годен не человек, но говорящее животное. Поэтому несомненно, что они намерены оставить в живых часть мужского здорового населения, ровно столько, сколько понадобится для работы в полях, на шахтах, на заводах. Пример порабощен-

ных стран Европы показывает, какая участь ждет этих оставленных в живых сельских и городских рабочих.

Все плодородные земли Украины, русской черноземной полосы, вольного Дона, тучные поля и роскошные сады Кубани, хлопковые плантации, виноградники и сады Кавказа и Средней Азии — все должно быть распределено между новыми хозяевами — длинноголовыми белокурыми стопроцентными немцами-помещиками...

Они-то уже и плеть приготовили и зверовидных кобелей для охраны...

Не терпится новому помещику молниеносно захватить Москву и вторгнуться в Донбасс, и, как сливки, лизать фашистским языком бакинскую нефть.

Не вышло. И не выйдет... В Красной Армии у каждого воина в той полевой книжке, что носит он на сердце своем, первым номером стоит: за родину! За Сталина! Вторым номером стоит: ты должен все знать, все понимать, обо всем думать... В твоих руках судьба отечества, свобода и счастье твоего народа...

В невиданной и неслыханной битве двух многомиллионных армий, Красной и фашистской, сразу определились разные качества сражающихся: красный воин дерется умно, хитро, смышленно, по-русски храбро до конца, до победы. Фашистский солдат дерется, как обреченный. Часто в бой идут они пьяные, нагнув головы в шлемах. И не выдерживают русских штыковых атак. Очищают небо, завидя красные истребители. Неожиданно, под нашим контрударом обрывают отчаянный, казалось бы, натиск. Кидаются туда и сюда. Меняют планы. В фашистской армии все черты ее «фюрера»: нахальство, свирепость разъяренного зверя, истеричность...

Враг многочисленный, опасный, сильный, но он должен быть и будет разгромлен.

Основной план Гитлера заключается в том, чтобы, овладев мировой гегемонией, истребив ненужные ему народы, установить единый вечный фашистский порядок. Но здесь у него нехватило фантазии: он целиком заимствовал этот новый порядок из представлений раннего средневековья: это — пирамида, где на самом верху полубог — Гитлер, ни-

же — его ближайшие сановники — Геббельсы, Геринги, Риббентропы и прочая черная сволочь, ниже — стопроцентная длинноголовая аристократия — помещики, которым, скажем, одному «принадлежит» целиком Киевский военный округ, другому — Урал от Перми до Магнитогорска и так далее, ниже — крупная немецкая буржуазия, еще ниже идут уже люди подневольные, рабы более надежные, пониже — рабы менее надежные, дальше — слоями — расы, все более удаляющиеся от арийской, и на самом низу — человеко-машины, человеко-животные или «недочеловеки», по выражению Гитлера, люди, живущие в стойлах, люди, которых стерилизуют, чтобы они не давали потомства, молчаливая, безликая работающая масса.

Таков предполагаемый «новый порядок» Гитлера. Ради него вот уже полтора года льется кровь, разрушаются государства, гибнут миллионы людей от голода и лишений, и фашистские полчища ломают свой хребет о стальную мощь Красной Армии.

Русские люди, граждане Советского Союза! Отдадим все для нашей героической и славной Красной Армии, отдадим все для победы над извергом и людоедом Гитлером.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

„Известия" от 17 июля 1941 г.

ЛИЦО ГИТЛЕРОВСКОЙ АРМИИ

В ответ на мою статью, в которой рассказывается о кровавых зверствах фашистов на восточном фронте, радио из Берлина заявило на весь мир, что я бессовестно лгу, что своим окровавленным пером я сообщаю о злодействах германских солдат, страшнее которых ничего нельзя себе представить, и, наконец, не краснея от стыда, я заявляю, что Красная Армия борется за настоящую человечность, за достоинство человека. Геббельс швырнул в эфир оскорбление мне, советскому писателю, он вынуждает меня ответить: Ложь! — самое страшное оскорбление для нас, советских писателей. Все наше искусство, — весь его пафос направлен

к становлению и утверждению высоких моральных ценностей. Этого настойчиво требует от нас 50 миллионов советских читателей, строящих своими руками материальные и духовные формы нового, нашего, советского мира. Быть заподозренным во лжи — значит получить от народа остракизм — изгнание из литературы, из социальной жизни.

Мы, советские писатели и граждане и наша Красная Армия, боремся за правду. Человечность — имя этой правды. От имени ее заявляю на весь мир, всем, всем гражданам и воинам свободных стран, борющихся с фашизмом, а также германскому народу я заявляю: немецкие солдаты и охранные отряды фашистов совершают столь непостижимые уму зверства, что — прав Геббельс — чернила наливаются кровью, и будь у меня угрюмая фантазия самого дьявола, мне не придумать подобных пиршеств пыток, смертных воплей, мук, жадных истязаний и убийств, какие стали повседневным явлением в областях Украины, Белоруссии и Великороссии, куда вторглись фашистско-германские орды.

Перед всей германской нацией поставлен грозный вопрос: может ли она, не протестуя, жить с такой славой?

Я привожу скупые и точные рассказы свидетелей, которые живы и находятся или в рядах Красной Армии или в лазаретах и в любой час могут быть опрошены международной расследовательской комиссией, если таковая будет создана.

«Я видел на окраине одной деревни близ Белостока 5 заостренных колов. На них было воткнуто 5 трупов женщин. Трупы были голые с распоротыми животами, с отрезанными грудями и отсеченными головами. Головы женщин валялись в луже крови вместе с трупами убитых детей. Это были жены и дети наших командиров». (Младший воентехник Дадашев С. И.).

«В Пинщине, на поляне возле леса, я видел истерзанный труп 15-летней девочки-пастушки. 7 немецких солдат изнасиловали ее, искололи штыками грудь и распороли живот». (Он же).

«Во всех деревнях и селах, где побывали германские войска, я видел трупы детей, женщин и стариков». (Он же).

«Подходя с группой разведчиков к селу Студеное, мы

услышали душераздирающие крики. Это фашистские солдаты зажгли дом красноармейца и бросили в огонь его жену и детей...» (Бат. комиссар Л. Бейлинсон).

«В город Остров ворвались фашистские танки. Немцы согнали несколько десятков женщин и детей на огород и неожиданно начали расстреливать их из автоматов. Затем туда же привели еще около 25 женщин и тоже расстреляли их. Все это я видел своими глазами, находясь в укрытии возле этого огорода». (Политрук Чеботарев).

«В деревне Бронислава немцы на глазах у матерей зарыли заживо в землю троих маленьких детей, а затем застрелили этих женщин». (Донесение политуправления фронта).

«В колхозе им. Фрунзе немцы изнасиловали молодую женщину, председательницу колхоза, отрезали ей левую грудь и нанесли 2 ножевых раны...» (Мл. сержант Агафонов).

«Находясь в глубокой разведке, в одной деревне, около гор. Пропойска, я видел, как немцы вывели из подвала старика, мальчика и маленькую девочку. Их о чем-то спрашивали и били. Затем выстрелом в упор был убит старик. Закричавшую девочку подняли на штык и бросили в сторону. Они заставили мальчика на все это глядеть, затем убили и его». (Пом. командира взвода Пляшечный С. Г.).

«К нам ворвались немцы. Двух 16-летних девушек ихние офицеры затащили на кладбище и над ними надругались. Затем приказали солдатам повесить их на деревьях. Солдаты выполнили приказание и повесили их вниз головами. Там же солдаты надругались над девятью пожилыми женщинами». (Колхозница Петрова, из колхоза «Пахарь»).

Так, воспитанная Гитлером для построения «нового порядка» в Европе и во всем мире германская армия — эти современные джеки-потрошители животов несут по следам своих танков навыки фашистской культуры. Они посылают своим невестам в Германию вместе с сентиментальными открытками одежду, обувь и съестное из ограбленных жилищ и магазинов (несколько сот запротоколированных фактов ограбления и прямого разбоя) и, упившись водкой, развлекаются по-фашистски, заживо анатомируя женщин и прикалывая детей.

Взбешенная своими грандиозными потерями, которых нельзя уже более скрывать и все труднее пополнить, смутно, сквозь туман алкоголя и крови, сознавая неизбежность конечного поражения в мировой войне, немецкая армия покрывает себя позором: она пытает и убивает пленных. Так, прими же звание подлеца, германская гитлеровская армия! Вот факты:

«Меня, раненого и взятого в плен западнее города Великие Луки, немцы посадили в амбар, где находились 13 пленных красноармейцев и один капитан. Минут через 10 нас всех вывели из амбара и построили в одну шеренгу. Затем немецкий солдат вывел из строя капитана и двоих красноармейцев. Перед строем немецкие солдаты стали стрелять в упор в капитана, прострелили ему правую, затем левую руку, потом левую ногу и правую ногу. Когда капитан упал, один из немецких солдат нагнулся и ножом отрезал ему нос, потом уши и концом ножа выколол глаза. Тело капитана судорожно содрогалось. Тогда другой солдат выстрелил ему в грудь и убил его.

С двумя красноармейцами немецкие солдаты сделали то же самое. Все немцы были пьяны.

После казни нам, оставшимся в живых, приказали закопать пленных и нас опять загнали в амбар. Три дня нам не давали ни воды, ни хлеба. Ночью мы сделали подкоп и ушли». (Красноармеец Быстраков Д. Е.).

«Около колхоза «Пахарь» был найден нами труп красноармейца Гофмана. Ему отрубили обе руки, выкололи глаза, отрезали язык. Рядом с его трупом из обрубков его рук была выложена пятиконечная звезда». (Колхозница Петрова).

«В деревне Охотичи я увидел 2 трупа замученных командиров Красной Армии. Крестьяне рассказали, что стоявшие в этой деревне немцы захватили в плен этих лейтенантов. Им приказали раздеться догола, и допрашивающие их били чем попало и кололи штыками, а затем зарезали. Их тела были покрыты колотыми ранами.

Здесь же в Быхове, на площади сооружены 4 клетки из колючей проволоки. В них заключено в каждой человек по 200 раненых красноармейцев, красных командиров и невоен-

ных — советских и партийных работников, среди них много 15 — 16-летних комсомольцев.

Немцы не кормят этих заключенных в клетках, ежедневно наливают немного воды в корыта, чтобы люди, умирающие от жажды, пили на четвереньках, и бросают в клетку десяток сырых картофелин. Я лично видел, как фашист-солдат бросил в клетку шкуру, содранную с барана. Пленные грызли эту шкуру. Если человек захочет перейти с места на место в клетке, немецкие часовые в него стреляют. Я не знаю, что сталось с этими несчастными, мне удалось бежать...» (Военный юрист Капустянский М. М.).

«Наше подразделение выбило немцев из деревни Я. Во дворе одного дома мы нашли 7 убитых красноармейцев. У всех были отрублены ноги. У одного распорот живот. Это сделали немцы перед тем, как бежать из деревни». (Пулеметчик Петр Фанарьин).

Довольно! Список истязаний и мучений захваченных в плен в большинстве случаев ранеными воинов Красной Армии очень велик. Это не единичные печальные случаи, это система воспитания германской армии. Взамен обесчеловечения немецкого солдата — ему, автомату, разрешается развязать в себе темные инстинкты: потенциальный распутник— распутничай, потенциальный мучитель—мучай, наслаждайся предсмертными воплями, раздувай ноздри, потенциальный вор—воруй. За это, когда нужно, ты умрешь ради психопатического честолюбия Гитлера, ради концернов Герингов и прочей сволочи, заранее поделивших между собою все шесть материков земного шара.

Сотни миллионов честных и благородных людей всех стран мира, — включая и несчастную Германию, — все на уничтожение в нашей прекрасной жизни кровавого и страшного распутства! Германская армия Гитлера должна быть уничтожена и выжжен до корня германский фашизм, — эта упрощенная система отбора людей на убийц и на подлежащих убийству.

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

„Правда“ от 31 августа 1941 г.

РАСПРАВА ФАШИСТСКИХ ВАРВАРОВ НАД ПОЛЬСКИМ НАРОДОМ

Всюду, где появляются фашистские варвары, они несут с собой смерть, разорение и порабощение оставшихся в живых. Под невыносимым гнетом фашистских захватчиков томятся Норвегия, Бельгия, Голландия, чехи, сербы, поляки, греки. Расправа, учиненная фашистскими варварами над польским народом, — одна из самых мрачных страниц современной истории. Польский народ в той его части, которая подпала под гнет немецко-фашистских извергов, разделил трагическую судьбу чехов, сербов и других славянских народов, к которым германский фашизм питает особую звериную ненависть.

Град репрессий, нечеловеческих пыток, издевательств, обрушившихся на поляков, подпавших под власть Гитлера, говорит о том, что речь идет уже не только о грабеже, не только об эксплоатации. Речь идет о физическом истреблении польского народа. Германский фашизм взял по отношению к полякам тот же курс, что и по отношению к чехам, сербам и другим славянским народам, — курс на физическое уничтожение этих народов. Тем же, кто, несмотря на все испытанные страдания и муки, остался в живых, уготована судьба бесправных рабов. Когда гитлеровские орды захватили Польшу, наместник Гитлера Грейзинг открыто заявил: «Не только настоящее поколение поляков, но и будущее будут работать на Германию в качестве немецких холопов».

Вторгшиеся в Польшу немецко-фашистские войска начали с расстрелов и массовых убийств мирного населения. Число расстрелянных, повешенных и замученных определяется десятками тысяч человек. Вслед за этим началось массовое выселение поляков из ряда областей. В первую очередь были выселены поляки из Познани, Верхней Силезии и Лодзи, то есть из тех областей, которые были непосредственно включены в состав Германской империи.

Судьба выселенных ужасна. Лиц, которые оказывают малейшее сопротивление при выселении, вешают на передвижных виселицах, которые затем провозятся по всему городу

для устрашения населения. Выселяемых держали неделями в закрытых товарных вагонах, где они гибли от голода, холода и отвратительных санитарных условий. Когда эти измученные люди уже отправлялись в путь, когда они на железнодорожных станциях протягивали руки, выпрашивая кусок хлеба, немного воды, фашисты били прикладами по рукам, а всякого, кто пытался помочь этим несчастным, расстреливали на месте. После каждого такого переезда из вагонов вытаскивали горы трупов.

Те, кто выжил, были отправлены в различные районы так называемого «генерал-губернаторства». Здесь насильно переселенные поляки были брошены на произвол судьбы.

Надо сказать, что германские фашисты сразу расчленили захваченную Польшу на две части. Западную часть, на которой расположена почти вся польская промышленность, металлургические заводы, угольные шахты, немцы присоединили просто к Германии, а промышленность захватили в свои руки.

Характерно, что поляки — инженеры, мастера и служащие были уволены и заменены немцами. Согласно распоряжению немецко-фашистских властей, поляки могут быть использованы только в качестве рабочих, и то лишь потому, что вследствие войны нельзя заменить их немецкими рабочими.

В так называемом «генерал-губернаторстве» царит самый безудержный, свирепый террор. Поляки не имеют права выходить на улицу позже 8 часов вечера. Ходить группами по 3 человека воспрещается. За малейшую «провинность» поляк попадает в концентрационный лагерь. О том, как живут заключенные, рассказывает антифашистский бюллетень «Фашизм». Заключенные содержатся в неотапливаемых помещениях. Один соломенный тюфяк приходится на 2 — 3 человека. С 7 часов утра и до поздней ночи заключенные работают на дорожном строительстве, независимо от погоды... Тачки, нагруженные камнями, заключенные везут нормальным шагом, но на обратном пути заключенного заставляют бежать. Всякого, кто, по мнению надзирателей, двигается недостаточно быстро, ожидает плеть.

Наказание плетью применяется за такие «проступки»,

как неправильное немецкое произношение во время переклички.

О нравах, царящих в этом лагере, можно судить по такому факту: за то, что на перекличку не вышел заключенный, который заболел и умер, заставили всех заключенных стоять босыми на морозе несколько часов. Две трети заключенных, подвергшихся этой пытке, умерли.

Существуют специальные концентрационные лагери для польских крестьян. Туда попадают те, кто не поставляет требуемых количеств зерна и скота. Крестьянство разорено. Их земли взяты на особый учет. На место польских крестьян переселяют кулацкие семейства из Германии. Немецко-фашистская печать цинично заявляет, что немецкие переселенцы должны образовать здесь «новое дворянство».

Всюду немцы поставлены в особое, привилегированное положение. Им отводятся лучшие квартиры, лучшие дома. Им выдается более высокий продовольственный паек, чем полякам. На железных дорогах, как междугородных, так и городских, для немцев выделены специальные вагоны, потому что фашистские головорезы не хотят соприкасаться с «грязными славянами».

Так осуществляет на деле фашизм свою человеконенавистническую теорию, делящую народы на «высшие» и «низшие» расы. Так стремится он постепенно уничтожить польский народ, как и другие славянские народы, превращая тех, кто еще не истреблен, в бесправных холопов, в бесправных рабов. Так осуществляют фашистские палачи слова Гитлера о том, что он не признает за другими народами равенства в правах с германским народом.

Гитлер в своей книге «Моя борьба», в этой циничной программе разбойничьих захватов, пишет о том, что в первую очередь должно произойти расширение германской империи на восток. И, конечно, не случайно требовал его отвратительный приспешник и главный глашатай расовых бредней Альфред Розенберг в первую очередь подавления и завоевания польского народа.

Несмотря на жесточайший гнет, несмотря на безудержный террор, свободолюбивый польский народ не сдается.

Барометром его борьбы являются массовые процессы в польском генерал-губернаторстве, рост и расширение партизанской войны. Вместе с чехами, вместе с сербами, вместе со всеми другими покоренными кровавым Гитлером народами ведет польский народ борьбу за свое освобождение, за свержение фашистского ига.

Все покоренные фашистскими захватчиками народы с надеждой следят за развитием великой отечественной войны, которую ведет советский народ против фашистско-немецких полчищ. В едином фронте народов, борющихся против фашизма, покоренным народам, в том числе и полякам, принадлежит почетное место.

Я. ВИКТОРОВ

„Правда" от 14 июля 1941 г.

КРОВАВЫЙ СЛЕД

Нет пределов жестокости фашистских извергов! Чудовищны истязания, которым они подвергают несчастных, оказавшихся в их власти.

Кровавый след тянется по земле, по которой они прошли, страдания и смерть несут они в мирные города и села, куда удалось им проникнуть. Недаром в их любимой песне, в этом безобразном гимне разрушению, поется:

„...Если весь мир будет лежать в развалинах,
К чорту, нам на это наплевать!„

Людоеды со свастикой, войдя во Львов, залили кровью улицы прекрасного древнего города. Сотни, тысячи кровавых убийств, насилий, издевательств ознаменовали их приход. Это было сознательное истребление населения, истребление чудовищно жестокое и планомерное.

Трудно без содрогания читать свидетельства очевидцев этой кровавой драмы, скупые, правдивые рассказы о бесчисленных расстрелах, избиениях, насилиях.

В кино «Европа», куда согнали 500 человек, фашисты расстреливали каждого пятого. Стахановок и работниц-активисток убивали дома и на улицах. Пьяные немецкие солдаты затаскивали девушек и молодых женщин в парк и там насиловали. Труп пятнадцатилетней школьницы Лидии С., изнасилованной семью немецкими танкистами, был выброшен в помойку. Семнадцатилетнюю Галину Кочура пытались схватить пьяные офицеры. Девушка вырвалась. Ее зверски убили.

Старика-священника В. Л. Помазнева, пытавшегося заступиться за несчастных, фашисты избили, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком.

Львовский рабочий Ян Вахновский, чудом спасшийся от смерти, рассказал о том, как эти звери пытались закопать его живым в землю...

Но только ли во Львове чинили свои зверства наглые гитлеровские бандиты?

В одном селе фашисты пробыли всего 9 часов. Но после этого разбойничьего набега смерть царила кругом. В небо упирались черные, обгорелые стены, уцелевшие дома были пусты. Разбитыми, пустыми, как глазницы черепа, окнами смотрели эти дома, и только некоторое время спустя из лесу показались бледные люди, подавленные, испуганные женщины и дети.

Их рассказ был страшен.

Небольшие зеленые танки вошли в село и поползли вдоль мирных хат. В окнах, за горшками цветов, замелькали головы, женские, детские. Тогда немцы открыли по окнам пулеметный огонь. Четверо убито, в числе их маленький ребенок.

И после этого фашисты еще осмелились обращаться к людям с издевательскими словами: «Скажите своему народу, что мы не воюем с мирным населением, мы ваши добрые, милые друзья...»

«Добрые друзья» застрелили сторожа Петро, вложив дуло револьвера ему в рот. Затем они пошли из дома в дом, от двора к двору, сея ужас и смерть. В поисках горючего пытали, мучили, убивали женщин и детей. Потом подожгли село, деловито, как профессиональные поджигатели, подкладывая

под стены сухие сучья... У них были с собой даже спе-
циальные приспособления для поджогов. Методичность и об-
думанность характерны для их жестокости.

На второй же день после захвата одного из белорусски[х]
сел фашисты организовали в нем концлагерь. Все трудоспо-
собные мужчины и женщины были загнаны, как звери, з[а]
проволоку. Их держали впроголодь, в постоянном страхе [и]
унижениях. О питании заключенных могут дать представле-
ние слова приказа немецкого командования за № 441, гд[е]
говорится: «Кормиться они (то есть заключенные. — Ю. Н.)
должны самыми примитивными средствами, например кон[ь]-
ским мясом; качественные, имеющие ценность жизненны[е]
продукты... ни в коем случае не должны им выдаваться...»

Истощенные, замученные люди под угрозой смерти строи-
ли мост через Березину в г. Б. и аэродром в г. П. Когда ра-
бота была закончена, строителей расстреляли.

Это было в Белоруссии. Удивительно ли, что такой пла-
менной ненавистью насыщена клятва белорусских партизан,
мстящих с оружием в руках за поругание своей земли, з[а]
муки своих братьев, за кровь детей, за надругательство на[д]
своими женами, сестрами и невестами?!

Звериная сущность гитлеровцев с особой силой обнажает-
ся в отношении к женщинам и детям.

В селе Ляды немцы потребовали, чтобы жители «доста-
вили» им 18 девушек. В ответ на отказ женщин увели [в]
ближайший лес, изнасиловали и тут же расстреляли. В числ[е]
жертв были тринадцати-четырнадцатилетние девочки.

Нередки случаи, когда немцы насилуют дочерей на гла-
зах родителей. Колхозницу Наталью Соболеву привязали [к]
столбу, морили голодом и жаждой и повесили только за то,
что она заступилась за свою пятнадцатилетнюю дочь, кото-
рую пытался изнасиловать немецкий фельдфебель. В одной
из сводок Информбюро промелькнуло коротенькое сообщение
о тринадцатилетней дочери колхозника Зине Г., изнасилован-
ной немецким офицером. Медицинское исследование показа-
ло, что мерзавец заразил ее сифилисом.

Исключительную жестокость верные слуги изверга Гит-
лера проявляют к детям. Все мы помним вопиющий фотодо-

умент, помещенный в «Правде» и «Известиях», — искаленные трупики детей, убитых около Псковского шоссе. Дети были расстреляны с бреющего полета: немецкие летчики ясно видели, кого они убивают, они три раза возвращались, чтобы довершить свое гнусное дело.

Фашисты беспощадно расстреливают с небольшой высоты поезда, наполненные женщинами и детьми. В пограничном местечке Любачеве эти звери, приставив револьвер к виску ребенка, требовали от матери указать, где живут советские работники. Об этом рассказывала продавщица военторга Александра Викторовна Одарева, 28-летняя женщина, в несколько страшных часов превратившаяся в седую старуху.

Чем беспомощней человек, оказавшийся во власти фашистских извергов, тем изощреннее их месть, тем утонченнее издевательства. Для гитлеровцев не существует никаких законов, никаких моральных норм. «Фюрер» действительно освободил их «от унизительной химеры, называемой совестью». Во всех войнах, бывших до сих пор, враги взаимно уважали военно-санитарную службу, щадили госпитали и санитарные поезда. Гитлеровцы же при виде Красного креста воспламеняются особо хищной злобой.

Бреющим полетом носились они над Гродно, высматривая машины с ранеными и расстреливая их пулеметными очередями. Они разрушили белостокский госпиталь и разбомбили госпиталь во Львове, хотя отлично видели красный крест на его крыше.

Этот список можно было бы удлинить. Озверелые бандиты даже в «памятку» солдат вписывают «совет» добивать раненых.

Ужасна судьба раненого красного бойца, попавшего в руки этих чудовищ. Нечеловеческим пыткам были подвергнуты 23 раненых красноармейца, взятых в плен. С них сорвали повязки, их мучили и истязали в течение нескольких часов и, наконец, повесили на столбах.

По примеру средневековых своих «предков» гитлеровцы сжигают людей живыми, погребают заживо свои жертвы. Так, в Дубниковском районе сожжена заживо семья совет-

ского служащего. В селе Ляхвы закопаны живыми в землю родные колхозного активиста. Эта казнь была повторена гитлеровцами и в других местах.

Древние варвары привязывали своих врагов к двум лошадям и разрывали тело живого человека на части. Немцы «осовременили» эту чудовищную пытку: к двум танкеткам были привязаны пожилой колхозник Александр Данилович Николаенко и председатель сельсовета, захваченные немцами. Танкетки, двинувшись, вырвали у несчастных руки и ноги. Теми же танкетками были раздавлены старики-колхозники.

Изуверства фашистов свидетельствуют об уродливой изобретательности этих человекоподобных зверей, добивающих своих раненых, приковывающих своих солдат к пулеметам и пушкам, чтобы они не смели бежать.

Недавно наши части при встрече с немецким отрядом вынуждены были на время прекратить огонь: впереди немецких колонн шли наши русские женщины и дети. Их заставили итти впереди немецких войск под угрозой расстрела. Фашисты этим чудовищным образом пытались уберечь себя.

Нашим бойцам удалось спасти 65 женщин и 47 детей. Пятнадцать из них все же погибли. Пятнадцать трупов было найдено в поле с глубокими штыковыми ранами в спину и затылок.

Одна из спасенных женщин, Анна Сапронова, рассказала: «Мы выехали ночью с детьми на подводах, думая уйти от фашистов. Но фашисты настигли нас на автомашинах и погнали обратно. Два дня они издевались над нами. Сегодня нас всех согнали, выстроили и велели итти вперед. Спасибо вам, дорогие братья красноармейцы, за то, что вы спасли нас и расправились с этими извергами».

Этих женщин спасли наши бойцы. Но все чаще становятся случаи, когда женщины, помогая мужьям, сами защищают себя и, объединившись, творят правый суд над мучителями. Не смирением, не приниженностью отвечают жители и жительницы захваченных областей на издевательства немецких извергов. Не таков русский народ! Пламенным гневом загораются сердца колхозников и колхозниц Белоруссии

Украины. Вооруженные вилами и топорами, они расправляются с гитлеровской сворой.

Растут мощные ряды партизан. По призыву великого Сталина поднимается вдохновленная священной ненавистью мощная народная сила. В лесах и низинах, за каждым деревом, за каждым кустом ожидают подлого захватчика возмездия за гнусные его дела, его ждет гибель и смерть. И близок час, когда ни один из тех, кто позорит звание человека, не будет осквернять своим дыханием нашей прекрасной земли.

Ю. НЕЙМАН

„Спутник агитатора“ № 16, август 1941 г.

ЗВЕРСТВА ФАШИСТОВ В УКРАИНСКИХ СЕЛАХ

Части энского соединения Красной Армии выбили немецких фашистов из ряда украинских сел. Бойцы и командиры видели ужасную картину зверства и бесчинства фашистских варваров в украинском селе П. Улицы были усеяны трупами женщин, стариков и детей. Фашисты зверски расправились с тяжело ранеными красноармейцами. Все раненые были убиты.

Около подбитого советского танка был найден труп командира-танкиста. Фашисты изуродовали все его тело, выкололи глаза. Командир был расстрелян в упор четырьмя пулями. Немецкие бандиты учинили жестокую расправу с крестьянами-колхозниками, не успевшими выбраться из села. Колхозник Н. отказался назвать фамилии сельских коммунистов. Фашисты застрелили колхозника и его жену, а троих дочерей сначала изнасиловали, а потом убили. Жестокую расправу учинили изверги с 17-летней дочерью председателя колхоза, который ушел с партизанами. Фашисты зверски пытали молодую девушку, затем изнасиловали ее и застрелили.

Тяжелая участь постигла также и 8 девушек-колхозниц,

гнавших скот с пастбища. Все они были расстреляны за то, что не ответили на немецкий окрик «хальт, цурюк» (стой, назад).

Многие крестьяне были убиты холодным оружием — штыком, кинжалом, шашкой.

Как только немцы ворвались в село, они загнали всех жителей, оставшихся в живых, в тесные погреба. Там крестьяне сидели в течение трех дней, не имея ни пищи, ни воды. Бойцы и командиры Красной Армии вытащили крестьян из погребов измученными, изможденными.

Фашисты занимались в селе грабежом. Они ловили на улицах кур, цыплят, свиней. Бандиты тащили из крестьянских хат все, что попадется под руку. У убитых немцев в вещевых мешках и ранцах были найдены: мануфактура, обувь, деньги, различные вещи. Они брали с собой рейтузы, дамские кофты, платья, губную помаду, пудру, духи, пуговицы, трусы, карандаши, конверты и т. п. В подбитом немецком танке было обнаружено свыше 16 килограммов серебряной и медной монеты советской чеканки. Эти деньги они награбили у колхозников.

Отступая под натиском Красной Армии, фашисты забрали с собой скот, устроили погром в избах и подожгли село.

Три дня хозяйничали бандиты. И это навеки останется в памяти колхозников украинского села.

В. МИНАЕВ

„Правда" от 12 августа 1941 г.

ГОРИТ СЕРДЦЕ

Мне представляется солнечный, светлый день. После занятий красноармеец Пазур отдыхал. Я вижу небольшой лесок, полянку, где он лежит, обратя лицо к небу. Легкий ветер доносит до него голоса товарищей. Кто-то возле домика пробует петь. Пазур думает о родине. Там, возле родного ему городка Шепетовки, сейчас идут бои. В Шепетовке жи

вут его мать и сестра Женя, которую он нежно любит. «Где-то они теперь, — думает Пазур, — что делают?» Пазур давно не получал писем, и это беспокоит его.

Он вздыхает, поворачивается на другой бок. Надо бы отдохнуть по-настоящему, уснуть, но не спится, все думаешь, думаешь...

Его окликнули. Был тот особый оклик, когда передают какую-то хорошую, веселую весть. Он вскочил. Товарищ держал в руке письмо. Ему? Ему. Пазур радостно схватил письмо. Почерк был как будто не очень знакомый, но пока он разрывал конверт, он узнал его. Это писала Галя, подруга Моти Цибульской. Они всегда ходят вместе. Наверное, Галя сообщает о друге его Моте, а может быть, и о сестре Жене, и о матери...

Он смотрел на эти строки, читал их, но сердце билось так быстро и в глазах было так больно, что он уронил письмо. Товарищ подобрал его.

О письме мгновенно узнал весь полк. Собрался митинг. Раздались пылкие речи о ненависти, о злобе к врагу, о мести. Письмо шло из подразделения в подразделение. И в каждом из красноармейцев оно вызывало трепет и гнев. Одна за другой слышались клятвы отмстить палачам, биться до тех пор, пока рука держит оружие, биться беспощадно и неутомимо! И ярче всех и вдохновеннее сказал один красноармеец.

— У меня горит сердце, — сказал он, прочтя это письмо. — Ненавижу!

Это был голос всей нашей Советской страны.

Сердце пылает, горит у нашей страны!

И разве может быть сердце холодным, когда вы читаете эти строки?

Вы не знаете Пазура, не знаете ни его сестры, ни его матери. И, тем не менее, вам страшно, вам невыносимо больно читать строки из этого письма. Вот эти строки:

«...Ночью фашисты ворвались в квартиру твоей матери. Вся семья спала. Они начали безнаказанно грабить, но тут офицер увидал твой портрет в форме и твою литературу на этажерке. Он заорал и велел всех казнить. Солдаты ворва-

лись в спальню и изнасиловали твою сестру Женю на глазах у матери, а потом ей отрезали грудь, натерли солью, и она голая висела на столбе, пока какой-то солдат проехал мимо на мотоциклете и пристрелил ее...

Я, Коля, подверглась чуть ли не такой же пытке, но, когда Женю резали, я выпрыгнула в окно. По мне открыли стрельбу, ранили в руку, но я все-таки убежала. О судьбе матери твоей ничего не могу сказать, но только видела, как ее, всю побитую, вместе с другими вели на площадь Коцюбинского...»

Каждое слово из этого письма нельзя уронить из сердца и памяти. Слова эти останутся навсегда, как вечные свидетели зверств, осуществляемых немецко-фашистскими ордами!

Немецко-фашистские армии желают не только полного уничтожения нашего народа, но и час от часу, день ото дня, наполняясь злобой и нетерпением, хотят еще и надругаться над нашими матерями, сестрами, женами.

Ворвавшись в село Бестовец, возле Умани, немцы изнасиловали всех женщин и девушек. Надругавшись над колхозницами Ульяной Рубаловой и Еленой Кожумяк, фашистские офицеры застрелили их.

В многострадальном Львове зверствами окровавлены все улицы. Расстреляны, замучены тысячи народа. Среди них сотни и сотни женщин и девушек. Людей хоронили заживо. Парк Костюшко был превращен в логово, где развращенные немецкие солдаты издевались над львовскими женщинами.

В деревне Оземля Глусского района немецкие солдаты ворвались в дом врача Чернецкой и разграбили все ее имущество. Солдаты избили Чернецкую до полусмерти и унесли с собой все, вплоть до детской одежды. В деревне Подпутье немцы арестовали члена сельского совета Наталью Герасимчук. Ее долго истязали, выпытывая у нее сведения об активистах села. Не добившись результатов, озверевшие палачи разорвали ее на куски. В деревне Подсолье пьяные немецкие солдаты арестовали председателя колхоза, а дом его сожгли. Жена и четверо детей председателя пытались вырваться

из дома, охваченного пламенем, но двери и окна были заколочены досками. Вся семья сгорела.

На станции Оленино немецкие самолеты с небольшой высоты разбомбили два эшелона открытых платформ, на которых находились женщины, дети и раненые красноармейцы. Летчики ясно видели, кто находится на платформах. Дети и женщины пытались спрятаться во ржи, но фашисты обстреляли их из пулеметов. Убито много стариков и женщин.

Список мучительств и зверств можно продолжать без конца. Обвинительный акт немецкому фашизму очень велик и грозен. Каждый день битвы за будущее, осуществляемой на наших полях, все более и более увеличивает число свидетельств этого обвинительного акта.

Приговор фашизму уже произнесен — мщение и смерть! О немецком фашизме следует сказать то же самое, что говорится о диком звере: когда ты стреляешь в зверя, не давай промаха!

Весь мир уже знает, что советский народ, поднявшийся на защиту свободы, родины, цивилизации в борьбе с озверелыми фашистами, бьет без промаха и пощады.

Среди советского народа бьется с врагом и советская женщина. Она становится вместо мужчин у станка, она работает и на транспорте, и всюду, где необходим самоотверженный и славный труд. А если нужно, женщины берут оружие.

На железнодорожную станцию М. напал отряд фашистских парашютистов.

Дежурная по станции Демидова возглавила вооруженный отпор. Очередями из ручного пулемета тов. Демидова сразила трех немецких солдат.

Диверсанты отступили в лес.

Немецкие самолеты бомбардировали город Н. Телефонистки базовой станции Вихорева и Суворова не покинули своего поста и продолжали работать, хотя бомба и разрушила часть здания, где находилась телефонная станция, причем вылетели рамы и облетела штукатурка.

Сердце нашего народа горит!

Оно горит ненавистью, той ненавистью, которую не поту-

шат никакие преграды и никакие затруднения. Ненависть эта возникла с первого же дня вероломного нападения немецко-фашистских орд на нашу землю, и от каждого дня она ширится, заполняя собой все тело страны, прорастая через камни и металл, через дома и горы, через заводы и пути, чтобы взметнуться смертью над фашизмом.

Жестокому — жестока будет смерть!

Жестокому — жестокое возмездие!

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

„Известия“ от 10 сентября 1941 г.

БЕЛОРУССКИЙ НАРОД НИКОГДА НЕ ПРОСТИТ ЭТОГО!

Захватив пограничные районы Советского Союза, фашистские звери в образе человеческом подвергли оставшееся население неслыханным страданиям, ужасным пыткам. Даже гиены, питающиеся человеческими трупами, — козявки в сравнении с фашистским зверьем. Кровь стынет в жилах советского человека от каждой вести о тех пытках и истязаниях, зверских убийствах и садистских расправах, какие учинили фашистские захватчики в селах и городах Советской Белоруссии.

Вот факт, рассказанный партизанами Волковыского района, Белостокской области. Этот, один из многих, из сотен и тысяч фактов, вопиет к отмщению, зовет весь наш народ к священной, испепеляющей ненависти к лютому, озверевшему врагу.

Два тяжело раненных красноармейца, отставших от своей части, были подобраны партизанским отрядом белорусских крестьян, оперирующим вокруг села И., Волковыского района.

Отправляясь в очередной рейд для уничтожения вражеских танков, партизаны поместили истекающих кровью бойцов в сарае на краю села и поручили уход за ними молодой девушке-партизанке.

Вдруг в село ворвался отряд немецких фуражиров. Начался повальный обыск в домах, хлевах, сараях. Мародеры забрали всех лошадей, которые были в селе, все телеги и фуры и стащили на них не только зерно и сено, но и все, что попало под руку, хотя бы оно и не имело никакого отношения к фуражу.

Налет фашистской банды был настолько внезапным и умирающие красноармейцы так слабы, что увести их куда-либо из сарая было уже нельзя. Когда немецкие солдаты обнаружили в сарае красноармейцев и девушку, их ярости не было предела. Умирающих красноармейцев они подняли на штыки, а девушку застрелили. Но и этого озверевшим бандитам показалось мало. Они согнали на сельскую площадь всех селян, которые не успели уйти с Красной Армией или убежать в леса к партизанам.

Собралось десятка три-четыре дряхлых стариков и старух, женщин и подростков. Немецкие кровопийцы привели на площадь крестьянина—владельца сарая, в котором нашли красноармейцев, и его 12-летнего сынишку. Жену обреченного на смерть крестьянина солдаты зверски избили и полуживую бросили посреди пыльной дороги.

Под угрозой фашистских штыков, избиваемые прикладами ружей, женщины и старики вынуждены были копать могилу своим односельчанам. Когда могила была готова, избитых до полусмерти пожилого крестьянина и его 12-летнего сына немцы расстреляли на глазах односельчан. Отец был мертв, но мальчик еще дышал и тяжело стонал. Фашистские звери закопали еще живого мальчика в могилу вместе с отцом. Оцепеневшие от ужаса крестьяне могли притти в себя только тогда, когда бандиты с диким воем и гиканьем укатили из села.

Крестьяне Западной Белоруссии никогда не простят немецким захватчикам ни одного из тех чудовищных насилий, которые учинили они над мирным, безоружным населением, над женщинами, стариками и детьми. От села к селу, от деревни к деревне в Западной Белоруссии раздается призывной клич ушедших в леса партизан, и люди, раз обревшие свободу и счастье, от мала до велика, встают на

смертный бой против тех, кто посмел посягнуть на это счастье и свободу, на честь и независимость, на землю и родину белорусского народа.

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА ЛЮДОЕДОВ

(РАССКАЗ РАБОЧЕГО)

Внезапным разбойничьим ночным налетом немцам удалось захватить один из наших городов в районе Минска.

Жители, не успевшие уйти из города, были согнаны на площадь. Пьяное фашистское офицерье, глумясь над населением, прежде всего разлучило матерей с детьми. Детей на грузовиках увезли в одном направлении, матерей погнали в другом...

Те из мужчин, которые пробовали протестовать, были брошены на землю, избиты до потери сознания и вывезены за город. Никто их больше не видел.

Оставшихся мужчин немцы стали делить на группы. Евреев, рабочих, пленных красноармейцев, коммунистов, командиров, работников городского совета поставили в разные места площади и тут же стали чинить расправу. Всех евреев, командиров и пленных красноармейцев били прикладами, топтали сапогами, выламывали пальцы, зубы, и когда избиваемые уже перестали стонать, облили их водой, привели в чувство и заставили тех, кто еще мог двигаться, построиться в шеренгу.

Эту шеренгу погнали через город, в лес и там расстреляли. Те из рабочих и советских работников, которых не тронули, ждали своей участи. Они были уверены, что за первой шеренгой последует и вторая.

«Мы были готовы к смерти,—рассказывает рабочий Мураев, чудом вырвавшийся из фашистского ада.—Мы знали, что с немцами нам не жить. К нам подошел офицер и на ломаном русском языке крикнул, что жизнь будет сохранена тем, кто будет послушно себя вести и хорошо работать. А тот, кто осмелится протестовать, пусть вспомнит то, что он видел сейчас на площади...

После такого напутствия нас согнали в сарай и заперли. Восемь дней мы пробыли там без пищи.

В виде особой милости нам иногда совали ведро мутной, протухлой воды, и несколько десятков заключенных делило между собой каждый глоток. Восемь дней мы медленно умирали с голода. Те из нас, кто был нездоров, так и не дожили до того дня, когда нас послали на работу... А работа заключалась в том, что нас заставили разобрать обломки зданий и чинить дороги. Нам не дали ни лопаты, ни молотков, мы должны были работать голыми руками. Немцы боялись, что молоток или лопата даже у истомленных восьмидневной голодовкой людей может оказаться грозным оружием против них, нашей стражи, вооруженной автоматами.

Обессилевшие от голода люди с трудом ворочали камни, падая от изнеможения. Упавших били нещадно. Но никакая боль от побоев не могла заставить подняться тех, кто и без этого был на грани смерти.

После первого дня работы те из нас, в ком еще осталось хоть немного сил, были вновь согнаны в сарай. Нам дали по маленькому куску хлеба и предупредили, что это вся наша пища на два дня.

Но даже этого кусочка многие проглотить не смогли, у них начались голодные спазмы...».

ЗВЕРСТВА ФАШИСТОВ В ДЕРЕВНЕ РУЖАНЫ

(РАССКАЗ КРЕСТЬЯНИНА)

Печатью кровавых зверств и чудовищных издевательств над мирными жителями отмечен путь фашистских бандитов во временно захваченных ими советских районах. Вот что рассказал убежавший от расправы фашистских захватчиков крестьянин Чимбург из деревни Ружаны, Пинской области, БССР:

— В деревню Ружаны немецкие банды ворвались на рассвете. Вылетевшие за околицу фашистские головорезы пулеметами преградили путь группе беженцев. Они пригнали их обратно в центр селения, затем собрали сюда всех жителей

деревни, тщательно обыскали всех, отобрав все, вплоть до носовых платков.

После этого палачи начали издеваться над беззащитными женщинами, стариками и детьми. Они выстроили всех их в две шеренги и заставили поднять руки вверх. Так с поднятыми руками людей продержали более двух часов. Затем из группы отобрали четырех крестьян-евреев и 11 крестьян-белоруссов и тут же, на глазах толпы, расстреляли. Всех тех, кто был свидетелем этой кровавой расправы, затем заставили закапывать расстрелянных.

Но и это все еще было только началом мучений ни в чем неповинных людей. Немецкий конвой сел на лошадей и погнал захваченных беженцев и крестьян в тыл. Это была дорога смерти, усеянная трупами женщин и стариков. Если кто-либо из беженцев отставал, то он немедленно пристреливался на месте. В течение трех дней беженцам ничего не давали есть.

Из десятков захваченных мирных жителей только единицы выдержали этот кошмарный путь, полный непередаваемых ужасов и мучений.

ЗЛОДЕИ

Елену Ковальчук партизаны нашли в лесу, в районе Бреста. Она лежала меж кустов без сознания, в разодранном платье, босые ноги ее были изранены. Когда Елена Ковальчук пришла в сознание, она рассказала партизанам о страшных злодеяниях, чинимых в Бресте германскими фашистскими разбойниками.

— Если бы мне, — говорит Ковальчук, — месяц назад сказали, что возможны на земле люди, способные на такие гнусные зверства, какие чинят германские фашисты в Бресте, я не поверила бы. Только хищные звери могут так терзать людей.

Ворвавшись в город, фашистские бандиты занялись грабежом. Весь день и ночь рыскали они по квартирам, забирали все, что можно взять. Там, где ночью им не открывали

квартир, фашисты силой выламывали двери, убивали обитателей жилищ, расхищая и уничтожая их имущество.

24 июня гестаповцы согнали на футбольное поле много мирных жителей Бреста. Тут были белоруссы, поляки, украинцы, русские, евреи, здесь были мужчины и женщины, старики и дети. У многих женщин на руках были грудные дети. Путь к футбольному полю был ужасен. Удары прикладов фашистские изверги обрушивали на головы своих жертв. Не пот, а алая кровь струилась с лиц мужчин и женщин.

Но настоящая дикая расправа над безоружными людьми началась на футбольном поле. Фашистские изуверы, садисты начали расстреливать людей по одиночке. На глазах у матерей расстреливали их детей. Одна молодая женщина крепко прижала к груди своего плачущего младенца. Жирный фашистский изверг вырвал у матери ребенка и с силой бросил его на землю. Мать бросилась, как львица, на душегуба, но другой фашист сбил ее с ног ударом приклада в голову. Над полем стояли стон, крики, неистовые вопли, плач, рыдания. Мужчины стояли молча, спокойно. Только в глазах их можно было прочесть великую ненависть к лютым врагам.

Оставшимся в живых фашистский офицер скомандовал: Бегите! — и толпа побежала. Вслед бегущим застрочил пулемет. Поле покрылось трупами. Меж трупов убитых с земли привстал смертельно раненный старик с окровавленной головой. Он поднял кверху сжатый кулак и крикнул палачам:

— Помните, гады, придет возмездие, и скоро придет. Сыны наши, Красная Армия отомстит за нас!

Подбежавшие фашисты затоптали старика своими грязными сапогами.

После расправы на футбольном поле не проходило ни одного дня без новых кровавых жертв. Несколько дней я скрывалась на чердаке одного дома. Темной ночью бежала из города, как из ада, где воздух отравлен смрадом гниющих трупов. Три дня бродила я голодная, обессилевшая по лесу. Много других жителей каждый день бежит из города куда глаза глядят.

Братья, родненькие! Бейте фашистских разбойников, истребляйте лютых злодеев. Муж мой, младший лейтенант, бьется с врагами. И я буду драться до последнего вздоха с фашистскими разбойниками, палачами, грабителями.

„Правда“ от 11 августа 1941 г.

ФАШИСТСКИЕ РАЗБОЙНИКИ

В городах и селах Бессарабии, занятых немецко-румынскими войсками, царит страшный произвол. Озлобленные тем, что большинство крестьян оккупированных сел ушло в глубь страны, румыно-немецкие варвары стремятся выместить злобу на оставшихся стариках, детях и особенно женщинах, мужья которых находятся в рядах Красной Армии.

В обозе немецко-румынских войск движутся полчища агентов сигуранцы, бояр и помещиков. Появляясь в каком-нибудь городке или селе, они, как жадная саранча, набрасываются на хозяйства крестьян, забирают все, что попадает под руку, избивают плетками и шомполами стариков, насилуют женщин и несовершеннолетних девочек.

Неописуемую экзекуцию устроили немцы и румыны над мирными жителями села Варницы. Войдя в это село, румынские офицеры пытались силой согнать крестьян на улицу. Сначала офицеры предъявили крестьянам обвинение в том, что они вступили в колхоз. Однако колхоза в этом селе не было, тогда фашисты начали предъявлять другие обвинения, зачем молодые мужчины ушли с советами, почему они угнали скот и т. п. Робкие, перепуганные старики и женщины ничего не могли ответить. Тогда их стали пороть до крови плетками и шомполами.

Вопли и крик стояли на всю деревню. Люди в страхе метались от одного двора к другому, не зная, где можно спрятаться от разбоя. Изнасилованные и обесчещенные девушки тут же кончали самоубийством. Когда к ночи фашистская вакханалия улеглась, многие крестьянки с детьми, девушки

переплыли вплавь речку и прибыли в расположение наших воинских частей.

— Никому не пожелаю того видеть, что довелось видеть и пережить мне в этот проклятый день, — рассказывает пожилая крестьянка Катерина Подарь, бежавшая от царящего в Варницах произвола.

Невиданные зверства учинили немецкие и румынские изверги в уездном городке Бельцах. Там расстреляно около 200 старух-евреек, решивших провести остаток своей жизни в насиженном месте. Когда Бельцы снова были отбиты нашими частями, в городке валялись изуродованные трупы жителей, разбросанное имущество, дымились остатки сожженных домов.

Трудящиеся свободной Бессарабии жестоко отомстят германо-румынским извергам. Тысячи жителей, покидая города и села, уходят в леса и овраги, организуются в партизанские отряды и продолжают в тылу у врага бороться за свою независимость, за человеческое право жить свободно и счастливо.

В. ОВЧАРОВ

„Правда" от 12 августа 1941 г.

НЕСЛЫХАННЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ

Там, где фашистско-немецкие мерзавцы временно вступили на нашу землю, там — разрушенные и сожженные города и села, там льется кровь наших людей. Гитлеровские насильники истребляют беззащитных женщин и детей, раненых и пленных красноармейцев. Многочисленные факты свидетельствуют, что нет предела зверствам, чинимым презренными гитлеровскими бандитами.

После долгих дождливых дней над деревней Горки показалось солнце. Засидевшиеся в избах детишки высыпали на просторные, еще зеленые улицы и принялись за свои игры. Детей было много — на улицах деревни было шумно.

Неожиданно на деревню налетели семь немецких пикирующих бомбардировщиков. Летчики снизились. Кружась над деревней, они убедились, что в ней нет воинской части, нет ни одного красноармейца. На улицах одни дети.

Летчики сделали еще один круг, снизились еще больше. Охваченные любопытством, ребята, высоко задрав головы, не сводили глаз с машин зеленоватого цвета. Вдруг раздался частый треск — фашисты стреляли из пулеметов.

Пятилетний светловолосый мальчуган, стоявший на бугорке, упал, как подкошенный, упал подросток. Он кричал: «Мамка, мамка!», судорожно сжимая обеими руками бедро, из которого лилась кровь. Еще двое детей упали на землю, истекая кровью.

Обезумевшие матери кинулись к детям. Завидев их, воздушные бандиты перешли на пикирование и забросали улицы бомбами...

Гнусные выродки улетели, оставив кровавый, дымящийся след. Гитлеровские разбойники убили восемь женщин и шесть детей, восемь человек тяжело ранили.

В деревне Скачково кем-то был сожжен сарай, где находились орудия и машины с боеприпасами немцев. Мужчин в деревне не было. Фашисты схватили всех стариков и подростков — 28 человек — и расстреляли их.

Такая же участь постигла всех взрослых колхозников и колхозниц одного из сел Дедовичского района, где был найден убитый немецкий солдат. А детей колхозников фашисты заперли в сарай и сожгли.

На улице города Петрикова немцы схватили учительницу тов. Кустанович. Она шла с ребенком. Затащив их в первый попавшийся дом, немцы начали чинить допрос. На все вопросы учительница отвечала кратко:

— Не знаю. Нет.

Тогда офицер что-то сказал одному из солдат. Тот удалился. Вскоре учительница увидела через окно большой костер, разведенный во дворе. Тов. Кустанович охватила нервная дрожь. Заметив это, офицер повторил свой вопрос:

— Кто из коммунистов скрывается в городе?

— Не знаю, — последовал ответ.

— Взять! — указывая пальцем на ребенка, приказал офицер.

Со двора доносился душераздирающий детский крик. Ребенка бросили в костер... А в комнате, где только что шел допрос, фашистский изверг насиловал обезумевшую от горя мать. Потом он ее застрелил.

— В деревне Калковичи, Ярцевского района, немцы расстреляли 30 колхозников и рабочих, — рассказывает очевидец этого злодеяния, жена рабочего Ярцевской фабрики Фекла Демьяновна Димитренко.

В деревне Синевка фашисты изнасиловали шесть девушек а затем, связав их вместе, раздавили бронемашинами.

Фашистские звери не щадят никого — ни женщин, ни детей, ни стариков.

Завидев, что к деревне Загорье подходят немцы, 70-летний Арсений Жуков спрятался в сарай. Но когда фашисты ввалились в его избу и стали тащить из нее последний скарб одинокого старика, он не выдержал и выбежал навстречу грабителям.

— Не трожьте! — прохрипел Жуков, уцепившись за поношенные валенки, которые держал подмышкой солдат.

Солдаты не ответили. Они вонзили в него три штыка.

Подлые трусы фашисты, спасая свою звериную шкуру, изобретают все более чудовищные преступления.

Неоднократные попытки немцев перейти в наступление в районе Н. разбивались о стойкую оборону нашего подразделения. Фашистам не помогали ни танки, ни интенсивный огонь. Тогда они послали несколько сот солдат в ближайшие деревни — Речные Жоцы и Пухово. Солдаты пригнали всех жителей этих деревень в расположение своей части. Фашистские изверги под угрозой расстрела заставили женщин и детей итти впереди наступающих немецких цепей.

Зверей не увещевают. Диких зверей уничтожают.

Смерть, лютая смерть фашистским псам!

О. АЛЕКСАНДРОВ

„Правда" от 18 сентября 1941 г.

ТРИ ДОКУМЕНТА

У Духовщины наши части освободили от немцев ряд деревень. На каждом шагу красноармейцы находят следы диких зверств фашистов. Перед нами три официальных документа, изобличающие фашистско-немецких мерзавцев в изуверствах, которых не знала человеческая история.

Документ первый:

«Четвертого сентября 1941 года мы, нижеподписавшиеся — старший политрук Вольнов, политруки Рязанцев и Филимонов в присутствии гражданок Петрушкиной Александры Андреевны и Давыдовой Дарьи Семеновны, составили настоящий акт в следующем: сего числа нами в блиндаже деревни З., ранее занимаемой немцами, был обнаружен труп двадцатилетней девушки Колесниковой Марии Сергеевны, жительницы этой деревни, зверски замученной фашистскими бандитами. При обследовании трупа обнаружено следующее: 1) обрезан нос, 2) обрезаны губы, 3) обрезаны груди.

Старший политрук **ВОЛЬНОВ**
Политруки **РЯЗАНЦЕВ, ФИЛИМОНОВ**
Присутствующие родственники убитой
ПЕТРУШКИНА, ДАВЫДОВА."

К акту приложены снимки зверски изуродованного трупа Марии Колесниковой.

Документ второй:

«1941 года, 7 сентября. Мы, нижеподписавшиеся — военный комиссар 2-го дивизиона политрук Шилов, комиссар батареи Федорченко, старший на батарее лейтенант Губин, составили настоящий акт о нижеследующем:

При занятии деревни Лосево, Ярцевского района, из которой были выгнаны немцы, в одном доме обнаружен труп замученной девушки лет 18 — 19 (фамилии установить не удалось). При осмотре трупа обнаружено, что девушка изнасилована, а потом зверски замучена — обе груди разрезаны ножом, два пальца правой руки отрублены, нанесено, кроме указанного, семь ножевых ранений, из них

два ранения в ноги, одно в половой орган и четыре в области груди и живота. Очевидно, девушка долго мучилась, потому что место в четыре квадратных метра вокруг нее залито кровью и видны следы ее ползания».

Следуют подписи составивших акт.

Документ третий:

«Мы, нижеподписавшиеся — начальник пункта погребения лейтенант Сатыбалдыев, фельдшер Юрченко, составили настоящий акт в том, что на поле боя у западной окраины деревни Гуторово было найдено раздетое тело красноармейца Насач Семена Григорьевича, изуродованное немецкими фашистами.

При осмотре трупа обнаружено: оба глаза выколоты неизвестным предметом, половые органы раздавлены».

Следуют подписи составителей акта.

Что можно добавить к этим документам, которые клеймят немецкую армию, как армию мерзавцев и насильников?

Л. ПЕРЕВОЗКИН

„Правда" от 20 сентября 1941 г

ФАШИСТЫ ЗВЕРСКИ РАСПРАВЛЯЮТСЯ С ПЛЕННЫМИ

Потеряв надежду на легкую победу, неся огромные потери, фашисты вымещают свою злобу на раненых, пленных, на мирном, беззащитном населении, изощряясь в бесчеловечных издевательствах и утонченных пытках.

Когда наши части идут в атаку, фашисты, чтобы прикрыть свои войска от удара, выставляют в качестве заслона женщин, детей и пленных. Тех, кто не подчиняется, они расстреливают на месте.

Бросая в наступление свои танки, германское командование посылает впереди на автомашинах пленных красноармейцев. На-днях по лесной дороге к пункту Н. двигались немец-

кие танки. Чтобы скрыть свое передвижение, немцы под угрозой расстрела посадили на шедшие впереди автомашины пленных красноармейцев. Этот гнусный прием был своевременно разоблачен командиром артиллерийского подразделения капитаном Захарьят: он решил разгромить вражескую колонну с фланга.

Его орудия были замаскированы в лесу. Капитан Захарьят подпустил вражеские танки на близкое расстояние, и, когда автомашина с пленными красноармейцами прошла вперед, он приказал открыть по танкам ураганный огонь. Танки были отрезаны, пленные красноармейцы спасены. В бою противник потерял 2 танка, расстрелянных в упор; остальные повернули обратно.

В Н-скую часть ночью приполз измученный немцами бежавший из плена сержант Коверсун. С группой бойцов он был в разведке. Разведчики попали в засаду, и после боя с превосходящими силами противника часть бойцов попала в плен. Страшная участь ожидала пленных: лейтенанту Крупеєву гитлеровские изверги выкручивали руки и ноги, красноармейцу Щупаеву размозжили прикладом череп.

По свидетельству немецких пленных, фашисты расстреливают попавших к ним в плен красноармейцев; на каждого разрешено тратить только один патрон. Недобитых фашисты закапывают в землю живыми.

В районе города Я. в одной из деревень, отбитых нашими войсками у фашистов, были найдены трупы красноармейцев с выколотыми глазами, отрубленными руками и ногами.

ИВ. ГРИБОВ

„Правда" от 25 августа 1941 г.

СЛУЧАЙ В РАЗВЕДКЕ

(РАССКАЗ)

Они лежали, притаившись, в канаве, — два разведчика, лейтенант и красноармеец.

Осень. И, как всегда в эту пору года, тлели кусты при дороге, паутина плыла в холодеющем воздухе, винным запахом дышала земля. Но было еще в этой осени и много такого, чего люди не знали прежде: мир пропитался гарью, душным запахом пороха и огня, и всюду под ветром вился черный, летучий прах пожарищ.

Разведчики хорошо видели сквозь кусты все, что осталось от деревни: обугленные дымоходы, окруженные холмиками пепла, и единственный, чудом уцелевший сарай. Подле сарая хлопотали немецкие солдаты. Они забили планками широкие ворота, обложили углы хворостом и сеном, потом наглухо укрыли два крошечных оконца под крышей.

Что могли означать эти приготовления?

Оба разведчика переглянулись и подползли ближе к кустам. Вскоре из-за угла выкатился пулемет, к нему припал человек с очень бледным и покорным лицом. Казалось, с этой минуты солдаты стали действовать быстрее и решительнее. Теперь они копали яму несколько в стороне. Когда глубокая яма была вырыта, явился тощий и надменный офицер. Он что-то сердито произнес на ходу, и тогда пулеметчик повернул хобот своего оружия в сторону заколоченного сарая.

Лейтенант, в канаве, за кустами, знал немного язык врага и насторожился, ловя голос.

— Торопит... — сказал он своему товарищу. — Сейчас подожгут сарай. Ах, мерзавцы! — произнес лейтенант с такой ненавистью, что слово это зашипело у него на губах.

Офицер крикнул, солдаты проворно разбежались по углам, и в следующую секунду повалил дым, закачались языки пламени, облизывая деревянный сарай. Казалось, офицер прислушивался к треску горящих сучьев и был весьма недоволен. Он хмурился, тонкие губы его были плотно сжаты. Наконец, он уловил что-то желанное в шуме занимающегося пожара, — суровые морщины на лбу его разгладились, подобие улыбки появилось на лице. Из сарая донеслись отчаянные удары в заколоченную дверь, крики и проклятия. Да, теперь офицер германской армии был вполне доволен.

Крики и стоны за дверью усиливались.

— Товарищ лейтенант, — прошептал красноармеец, — я сбегаю в часть за бойцами. А?

— Лежи.

— Хоть бы нас человек пять или шесть. С гранатами, товарищ лейтенант... Слышишь?

— Лежи, говорю. Тебе не успеть... Смотри! — лейтенант предостерегающе поднял руку, призывая к полной тишине и неподвижности. — Погоди!... Он приказал им... Да, он приказал им раскидать огонь.

В самом деле, пожар был спустя несколько минут потушен. Солдаты отодрали планки и открыли ворота. Из сарая, шатаясь, выскочили два красноармейца. Головы их были забинтованы, и сквозь марлю проступали зловещие, яркие пятна. Они озирались, выбирая, в какую сторону бежать. Но направленный на них пулемет заставил их попятиться и прижаться к стене. Меж тем солдаты выволакивали из сарая других раненых красноармейцев. Ударами прикладов они выстраивали их у стены. Они нещадно били раненых, заставляя их стоять, либо швыряли оземь, убедившись, что никакими побоями не вернуть крепости простреленным ногам. Немецкий офицер, наблюдая их работу, поощрительно кивал и улыбался.

— Слушать меня, — сказал он на ломаном русском языке. — В последний раз! Я бы мог, конечно, спалить вас вместе с этим паршивым сараем. Но я хочу узнать сначала, не образумились ли вы. Будет кто-нибудь из вас говорить или не будет? В последний раз.

Только двое продолжали стоять, прислонясь к стене. Другие уже осели наземь с поникшими головами. Третьи с самого начала корчились на земле от нестерпимой боли в потревоженных ранах. Ни слова, ни звука, ни стона не услышал от них офицер.

— В последний раз! — повторил он.

Все молчали.

— Так. Я понимаю. Вы решили во что бы то ни стало вывести из терпения офицера германской армии. Хорошо.

Он скомандовал. Солдаты, построившись, отошли к вы-

той ими яме. Они застыли со вскинутыми винтовками. Офицер медлил.

Разведчики лежали, затаив дыхание, на холодной земле, но им было жарко, нестерпимо жарко, точно под ними горячие уголья или раскаленная сковорода. Рискуя выдать себя, они шевелились, ворочались, вздрагивали. Много раз, переглянувшись, они готовы были вскочить и безрассудно ринуться вдвоем против большого отряда.

Офицер подал знак рукой в перчатке. Грянул залп. Только двое, еще державшиеся на ногах, оказались мишенью для всего многочисленного строя убийц. Рука офицера опустилась... Весь в золоте сверкал край березового леса неподалеку, за вытоптанной рожью. В глубокой синеве неба плыли легкие, белые ладьи облаков. И весь этот чудесный мир, вся несравненная прелесть начинающейся осени, вся неизменная красота неба, воздуха, земли — все это было опоганено медленно двигающейся злодейской рукой немецкого офицера. Он снова и снова подавал знак к постыдной расправе над безоружными и истекающими кровью людьми.

Пулеметчик с бледным лицом следил за офицером, сидя на корточках. Строй солдат послушно расстреливал по одному человеку.

— Довольно! — распорядился офицер.

Но так как еще не все были расстреляны, солдаты оставались некоторое время со вскинутыми винтовками.

— Довольно! — повторил офицер, как бы рисуясь внезапным своим капризом. — Хватит с них, — сказал он и выразительно показал на пленных и на яму. — Закопайте их теперь. Всех сразу. И живых, и мертвых... Быстро! Я, кажется, довольно ясно выразился.

Пулеметчик свалился наземь, он укрыл лицо, чтобы ничего не видеть, он пробовал закрыть и уши, чтобы ничего не слышать. Офицер подал еще один знак, солдаты поняли его, они стали забрасывать свои жертвы не только комьями земли, но и тяжелыми, увесистыми камнями.

— К бою готовьсь! — разнесся тогда звонкий голос.

Лейтенант поднялся во весь рост.

— К бою! — кричал он, точно за ним была по крайней

мере рота грозных мстителей, и побежал в беспамятстве со штыком наперевес. Красноармеец ринулся за ним и в два прыжка опередил своего командира.

— Умри, гад! — вопил на бегу красноармеец, вонзая штык в коричневое пятно перед собой.

Туман исступления застилал ему глаза. Он выдернул штык и ударил кого-то прикладом в грудь. В следующее мгновенье он понял, что это был офицер — тот самый офицер. Пуля, взвизгнув, ужалила красноармейца в плечо. Еще послышались выстрелы. И бешено затрещал опомнившийся пулемет. Тогда, торопясь, со стиснутыми зубами, красноармеец размахнулся, ударил падающего офицера еще раз, изо всей силы, и раскроил врагу череп.

Стонала яма, трещал пулемет, а боец попрежнему крепко стоял на ногах, сжимая винтовку. Наконец, он увидел, что пулеметчик преследует своим огнем убегающих к лесу солдат. Немец бьет немца! Плохо бьет... Слишком искажено в судорогах лицо, чересчур дрожат пальцы. Красноармеец подбежал и оттолкнул пулеметчика, тот свалился рядом. Некогда было раздумывать над всем случившимся. Боец занял место у пулемета, и очередь за очередью метко полетели, догоняя убийц.

— Братишка! — позвал после боец, немного отдышавшись. — Ты чего там затих?

Он оглядел площадку. Лейтенант вдали пробует поднять голову и снова падает лицом в пыль. Фашистские трупы разбросаны по жнивью. Совсем рядом лежит немецкий солдат — пулеметчик; он что-то торопливо бормочет, моргая светлыми ресницами. Глухой стон доносится из наполовину засыпанной ямы.

— Вот что, братишка. Ты действуй. Помогай! — распорядился красноармеец и дружески похлопал негаданного союзника по плечу. — Понятно тебе? Дуй вон туда, по опушке. И дорогу помаленьку щупай.

Из десяти раненых бойцов в живых оставался только один. Он вытащил его и бережно положил на траву. Потом принес сюда и своего лейтенанта, тяжело раненного в ногу.

Пулеметчик еще постреливал короткими очередями по бе-

резовому леску. Багряные ветви никли с такой кружевной четкостью, что можно было даже издали сосчитать каждый листочек.

— Ты кто? — спросил красноармеец, когда замолк пулемет. — Ты почему не отвечаешь? Меня самого кличут Андреем. Глушков я, Андрей. Понятно?

Пулеметчик замотал головой и что-то сказал по-своему. Только после узнал Андрей Глушков, что звать пулеметчика Герман, — Герман Тиме, он австриец. Зверский расстрел пленных переполнил его терпение перед фашистским разбоем, и он повернул свой пулемет против немецких солдат, когда из-за кустов выскочили красные.

— Ну, что же теперь делать, — говорил Андрей Глушков. — К нам надо тебе итти. Не иначе.

Герман Тиме не отвечал. Он тотчас же направился, прихрамывая, к убитому офицеру, сорвал с пояса у него фляжку с ромом и, запрокинув голову, пил долго, медленно, наслаждаясь. Потом так же медленно обтер грязным рукавом губы и с омерзением, с гадливостью швырнул опустевшую флягу в мертвое лицо изверга.

— Ну, давай, давай, брат. Ничего... Некогда тут прохлаждаться, — весело поторапливал Андрей Глушков. — Я понесу своего командира, а на твою долю, выходит, раненый боец будет. Ну, взяли что ли!

Герман Тиме вытер пот со лба и впервые улыбнулся.

Эту историю передала нам медицинская сестра товарищ Резникова. Она ухаживает в одном из госпиталей за всеми четырьмя ранеными, за Германом Тиме в том числе. У Германа старая, запущенная рана на ноге. Он скрывал ее, он молчал о своем ранении в германской армии, в страхе, что его пристрелят, как обузу.

А. ЭРЛИХ

„Правда“ от 24 сентября 1941 г.

—— ◊ ——

О НАПАДЕНИИ ФАШИСТСКИХ САМОЛЕТОВ НА ГОСПИТАЛЬНОЕ СУДНО «СИБИРЬ»

В Ленинград возвратился капитан госпитального судна «Сибирь» тов. А. А. Чугунов. Как указывалось в утреннем сообщении Советского Информбюро от 28 августа, «Сибирь» варварски потоплена фашистами. Тов. Чугунов рассказал корреспонденту «Правды» подробности разбойничьего нападения фашистских пиратов на безоружное судно.

— Был ясный солнечный день, когда наше госпитальное судно «Сибирь» шло из Таллина в Ленинград, имея на борту раненых бойцов, а также женщин и детей, эвакуируемых из прифронтового района.

Около 3 часов дня на наше судно набросились три пикирующих бомбардировщика «Юнкерс-88». Фашистским летчикам отчетливо было видно, что это мирный безоружный транспорт, везущий раненых. Варвары не посчитались с этим. Одну за другой они сбросили на нас шесть бомб, но промахнулись. Судно получило небольшое повреждение от детонации.

Не прошло и часа, как на большой высоте появился еще один фашистский стервятник. Он снизился, сделал над нами круг, словно желая убедиться, что под ним действительно беззащитное госпитальное судно, а затем с пикирования сбросил четыре крупных фугасных и зажигательные бомбы. Одна фугасная бомба попала в борт, другая в район капитанского мостика, третья в машинное отделение, четвертая в воду неподалеку от судна.

Средняя часть «Сибири» сразу была охвачена пламенем. Сквозь грохот были слышны стоны раненых, плач детей.

Все члены команды оставались на своих постах. Я приказал: немедленно приступить к тушению пожара.

Через несколько мгновений старший помощник капитана тов. Юргенсон доложил:

— Машинное отделение разрушено. Противопожарные средства не действуют.

Тотчас был начат спуск шлюпок. Одновременно команда

под руководством второго помощника капитана тов. Новикова самоотверженно боролась с огнем, отстаивая уцелевшую часть судна. Помощник капитана тов. Мамлыга, получив серьезные ожоги, не покинул своего поста — выносил раненых из внутреннего помещения судна и передавал их на шлюпки. Прекрасно работали повар Панов, кочегар Ясинский, боцман Павлов, матросы Жилин, Сушков, уборщицы Александрова, Максимова, буфетчица Руднева и другие, помогавшие выносить раненых. Но фашистские изверги не удовлетворились разрушением судна. С бреющего полета налетали они на шлюпки и плоты, наполненные ранеными, и поливали их пулеметным огнем...

Никогда не изгладится из нашей памяти это бандитское нападение на госпитальное судно. Кровь раненых, женщин и детей вопиет о мести фашистам. Смертью за смерть и кровью за кровь мы ответим гитлеровцам на их чудовищные злодеяния!

Факты о зверских нападениях фашистов на госпитальные суда не единичны. Недавно шесть «Юнкерсов» напали на перевозивший раненых транспорт, которым командует капитан П. П. Елизарьев. Почти четыре часа фашистские стервятники не прекращали своих атак. Только умелое маневрирование спасло судно от гибели.

„Правда“ от 29 августа 1941 г.

СЛЕДЫ ЗВЕРЯ

По ту сторону Днепра стоит зарево. Там в огне карательных отрядов полыхают родные украинские села. Белые языки пламени гуляют по соломенным крышам, ползут по плетням, мазанкам, клуням. Густой дым обволакивает сады, огороды, стелется по сухой стерне и рыжими столбами поднимается к небу.

Горит украинское село. В ужасе мечутся, плачут, кричат дети, старики, женщины.

По украинским селам несутся на конях, размахивая плетками, немецкие и румынские офицеры. Они жгут наши села, расстреливают наших отцов, братьев, насилуют наших сестер и дочерей, хриплыми, пьяными голосами кричат:

— Рюсс, рюсс, давай кюшать...

А хлеба нет, ибо он вывезен, сожжен или укрыт в земле. Масла нет, ибо угнаны все коровы. Сала нет, ибо угнаны все свиньи. Угнаны все овцы. Ничего нет для опьяненных кровью зверей.

Идет грабеж украинских сел. Горят села Правобережной Украины.

Над Днепром стоит черная звездная украинская ночь. Тишина. Кто-то плывет к нашему берегу. Слышны всплески воды. Слышно учащенное дыхание, затем слабый голос: «Свой». Белый платок взлетает над головой плывущего. Это — люди, бежавшие от зверя. Темной ночью мы сидели в саду под кустами и слушали страшные рассказы Павла Мефодиевича Серенко. Он говорит медленно, с расстановкой, иногда умолкает, задумывается и вновь продолжает рассказ о жуткой расправе фашистов с мирным населением.

...Хутор Заводище. Единственная широкая улица пустынна. Накануне в хутор вошли передовые части германской армии, ограбили жителей и ушли. Ставни хат закрыты. Некоторые из них забиты досками. На дверях амбаров, сараев, погребов—сорванные замки. На огородах и бахчах—ни души. Воют собаки. Хутор точно вымер. Зной. Тишина. В полдень на главной улице показался немецкий мотоцикл. Он мчался с предельной скоростью и подымал за собой столб дыма. Неожиданно раздался сухой выстрел, и немецкий офицер, сидевший на заднем седле мотоцикла, кубарем слетел на землю и ткнулся лицом в пыльную дорогу. Он так и не поднял своей головы, простреленной чьей-то снайперской рукой.

Через полчаса в Заводище появился карательный отряд. Офицер стал посреди дороги и, хлопая хлыстом по голенищам своих сапог, приказал собрать всех хуторян. Хуторяне собрались, стоят с опущенными головами, мрачные. Женщины тихо всхлипывают, дети громко плачут.

— Кто стрелял? — спрашивает офицер.

Молчание.

— Кто стрелял в немецкого офицера?

Молчание.

— Если сейчас не будет назван стрелявший, вы будете расстреляны.

Дети плачут, жмутся к юбкам матерей. Старики смотрят друг на друга, молчат. Тогда зверь, одетый в форму немецкого офицера, приказал сжечь двадцать хат, расположенных в центре хутора, а всех живущих в этих хатах расстрелять. Через полчаса в центре хутора стояли 35 стариков и женщин. Их привели сюда немецкие солдаты, по дороге били в спину, в голову, в грудь, а на главной улице по взмаху офицерского хлыста расстреляли двумя залпами. В этот же миг красное пламя взвилось над хатами.

Так зверски расправились с хуторянами фашистские мерзавцы.

...Группа германских солдат входила в село Б. Разведка донесла, что части Красной Армии еще накануне оставили этот район. Но как только фашисты вступили в село, на них градом посыпались гранаты, камни, бутылки с горючим. Раздались выстрелы, взрывы, крики. Большая часть немцев была перебита, а остальные в панике бежали, бросив винтовки, автоматы, пулеметы.

Через час в село ворвались немецкие бандиты. Они кричали, размахивали винтовками, беспорядочно стреляли, требовали выдачи виновных. Все население было согнано к колхозной конюшне. Здесь началась расправа. Офицер проходил по рядам селян и спрашивал:

— Кто стрелял в группу германских солдат?

— Не знаю, — отвечал селянин.

— Не знаешь, — кричал взбешенный офицер, — а хлеб прятать знаешь? — И со всего размаха он бил по лицу хлыстом.

Так он бил почти всех, не исключая женщин и подростков, а затем устроил всеобщую порку. На скамью клали старика, поднимали рубаху, и на спину ложились тяжелые удары резиновой плети. Кровь сочилась из ран, все тело чернело от синяков. Над площадью стояли предсмертные стоны, а плеть методично падала на окровавленные спины.

Один, другой, третий, десятый, сотый... Немецкие солдаты били граждан украинского села, как раньше помещики били своих батраков, как барин бил своего крепостного. Били плетками, шомполами, прикладами, били со звериной злобой и яростью, от которой глаза наливались кровью.

К вечеру по приказу офицера тут же, в центре села, из пулемета было расстреляно 87 селян. Яма, вырытая близ конюшни, стала братской могилой граждан села Б.

А на утро на могиле было много полевых цветов. Посредине стоял столб с широким щитом. На щите были нарисованы красное знамя и пятиконечная звезда. Чья-то неопытная рука написала крупными белыми буквами:

«Здесь похоронены замученные и расстрелянные немецкими фашистами 87 селян колхоза имени Шевченко».

Немцы увидели и рассвирепели. Они растоптали цветы, сломали щит, раздробили его на мелкие куски.

А на следующее утро на могиле было много свежих полевых цветов и стоял столб с широким щитом. На щите были нарисованы красное знамя, пятиконечная звезда и полностью воспроизведен текст вчерашней надписи...

Несколько дней немецкие офицеры вели войну с цветами и столбами, а затем бросили.

Придет время — мы поставим здесь памятник. Красная звезда взовьется над могилой, и слова, написанные на щите, будут высечены на граните.

Много видел Павел Мефодиевич Серенко. Он видел, как немцы термитными снарядами жгли село Копеньковатое, как в Лозоватке были расстреляны четыре женщины, которые отказались дать муку фашистским солдатам, как солдаты расстреляли Агаркова из села Сосновки за то, что он непочтительно говорил с немецким офицером и при всех селянах назвал его грабителем.

Тяжелые кровавые следы зверя оставлены на всем пути, где прошли части гитлеровской армии.

Огневое зарево стоит по ту сторону Днепра. Оно взывает к мщенью.

М. МЕРЖАНОВ

„Правда“ от 19 сентября 1941 г.

ОНИ ОТВЕТЯТ

«Милитерише корреспонденц», орган гитлеровской армии, пишет, что Советская Россия не соблюдает женевской конвенции о пленных. Палачи разыгрывают гуманистов. Звери говорят о человеколюбии.

Мы знаем теперь, что делают гитлеровцы с пленными и гражданским населением захваченных ими областей. Мы ссылаемся не на показания жертв, не на свидетельства очевидцев, нет, мы предъявляем всему миру признания самих убийц, признания, сделанные ими не в плену, но на свободе: приказы германского командования и дневники немецких офицеров и солдат.

Немцы убивают пленных. Вот приказ командующего 3-й германской пехотной дивизией. Он помечен литерами Az 2 и датирован 7 июля 1941 г.

«Неоднократно замечено, что сдавшиеся русские солдаты после захвата их в плен или во время отправки их в тыл **расстреливались нашими войсками»**.

В дневнике старшего ефрейтора И. Рихтера 4-го батальона 40-го пехотного полка, полевая почта 01797 мы находим следующую запись от 1 июля:

«60 пленных мы расстреляли у штаба».

Унтер-офицер 735-го дивизиона (3-й армейский корпус Рейхенау) Ганс Юрген Симон записал в своем дневнике 7 августа:

«Гофф рассказывает мне случай с одним **русским, раненым в голову,** которого велено было **пристрелить.** Солдат, которому приказали застрелить пленного, привел русского к своим товарищам и передал им **задание,** утверждая, что его пистолет не работает. Гофф думает, что этот солдат не мог пересилить себя и расстрелять безоружного раненого».

Немцы пытают пленных. Ефрейтор Цохель из Висбадена, полевая почта 22408В пишет в своем дневнике:

«25 июля. Темная ночь, звезд нет. **Ночью пытаем русских»**.

Немцы вешают русских. Вот приказ командующего 123-й германской пехотной дивизией от 16 августа 1941 г.

«Рекомендуется прибегать к строжайшим мерам наказания, как-то **вешать казненных на площадях для общего обозрения.** Об этом сообщать гражданскому населению. На виселицах должны быть таблицы с надписями на русском языке с примерным текстом: «повешен тот-то и за то-то».

Это не мы говорим о немцах. Это они говорят о себе. Они сами описывают свои злодеяния — аккуратно, педантично. Причем речь идет не об извращениях отдельных садистов, нет, это—государственная система. Они расстреливают пленных не в блиндажах, но у штаба. Они вешают согласно инструкции. Мы видим, что один немецкий солдат не мог застрелить раненого красноармейца. В немецком солдате, боявшемся выполнить приказ командира-зверя и в то же время боявшемся его не выполнить, еще барахтались остатки совести. Но нет ничего человеческого в сердцах гитлеровских офицеров: это—звери. И они смеют говорить о «зверском обращении русских с пленными!» Убийцы детей, насильники, вешатели становятся в позу благородных рыцарей. Отвратительное зрелище!

Мы знаем, что Гитлер выпустил на нашу страну бессовестную, подлую солдатчину, выучеников палача Гиммлера. На тысячу немецких солдат, может быть, найдется один, который смутится, услышав приказ добить раненого. Мы предъявляем цивилизованному миру страшные документы,—это счет за кровь истерзанных и замученных людей. Многие из рядовых убийц уже нашли свою смерть: они убиты в бою. Дневник ефрейтора Рихтера прострелен. Дневник Фукса, убившего пятьдесят женщин и детей, замаран кровью—Фукс был застрелен во время атаки.

Однако зачинщики зверств прячутся в тылу. По земле ходит автор приказа о виселицах, командующий 123-й дивизией. По земле ходят рейхсканцлер Гитлер, палач Гиммлер и гитлеровские генералы. Эти не боятся пуль, они верят в старую мудрость: «Генералы умирают в своей постели». Настанет день, когда титулованные убийцы будут посажены на скамью подсудимых. Общественные обвинители десяти европейских государств перечислят злодеяния гитлеровской армии. Мы не скажем тогда: «Они нарушили женевскую кон-

венцию» — можно ли говорить о конвенциях, когда перед тобой звери? Мы скажем одно: «Они воспитали миллионы звероподобных существ, вооружили их танками и автоматами и бросили их на наш народ». Тогда Гитлер и его генералы ответят за все — за убитых детей и за замученных пленных, за всю кровь и за все слезы.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

„Известия“ от 20 сентября 1941 г.

ОГИЗ. Омское областное государственное издательство. 1941 г.
Изд. № 52. Индекс П-3.
Ответственный за выпуск *М. Я. Вильсон.*
Подписано к печати 23|X-41 г. Формат 72×108/32 Об'ем 7/8 бум. л. 13/4 печ. л., 2,77 авт. л., 2,8 уч.-изд. л., 66 880 тип. знаков в печ. л.
Тираж 5 000 экз.
ПД25549 Цена книги 45 к.
Типография издательства „Омская правда“, Омск, ул. Декабристов, 47
Заказ № 8065

